

**АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ**

ВЯЧЕСЛАВ ШАЛЬГИН

ПУТЬ СЕБЕ

ЭКСМО

Преображенский

Вячеслав Шалыгин

Путь с небес

«ЭКСМО»

2003

Шалыгин В. В.

Путь с небес / В. В. Шалыгин — «Эксмо»,
2003 — (Преображенский)

ISBN 5-699-08946-2

Интересы правителя Каллисто князя Сергея Преображенского никогда не выходили далеко за пределы лун Юпитера, ну, максимум – Солнечной системы. Но, как известно, человек предполагает... Судьба явилась к князю в виде загадочного китайского купца, предсказавшего появление в далеком космосе таинственного Рубежа, которое привело к гибели множества обитаемых миров. Сергей оказался вовлечен в жестокие игры Перворожденных, ему предстояло сразиться с теми, кто стремился любой ценой освободить многомерное пространство Вселенной от присутствия людей...

ISBN 5-699-08946-2

© Шалыгин В. В., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

Уран	5
ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	23
ГЛАВА 3	35
ГЛАВА 4	49
ГЛАВА 5	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Вячеслав Шалыгин

Путь с небес

Уран

ГЛАВА 1

Апрель 2323 г.

Объединение Вольных Княжеств

Он шел сквозь вьюгу, задыхаясь от недостатка кислорода в холодном воздухе, утопая по пояс в снегу и абсолютно не ориентируясь в сторонах света. Человек шел вверх по крутому склону горы. Шел, теряя последние силы. Шел все медленнее. Он то и дело падал, но каждый раз вставал, чтобы продолжить путь.

Человек толком даже не понимал, куда он идет и зачем, но что-то невыносимо жгучее разливалось в груди и не позволяло ему остановиться. Внутренний огонь причинял адскую боль, стоило человеку снизить темп, и немного стихал, когда он шел. Это была настоящая пытка. Человек глотал жесткий снег, но это не помогало. Шаг за шагом он карабкался в гору, проклиная бушующий в душе пожар.

Путь в никуда, в неведомую высь, в небеса требовал каких-то адских усилий. Это было странно и нелепо. В ад полагалось падать, а в небеса воспарять, причем без особых трудов. Надо было всего лишь умереть. Но человек не мог умереть, пока он шел. И не мог остановиться, чтобы спокойно умереть...

Склон казался бесконечным. Кислорода в воздухе становилось все меньше, сердце уже просто выскакивало из груди. Руки ооченели, ног человек тоже почти не чувствовал, лицо покрылось коркой талого льда. И все-таки он шел. В никуда, в небеса, в ад... для него уже не было разницы...

Наконец сознание сжалось в точку и почти померкло. Пожар в груди погас. Очередной шаг, падение и долгожданный покой. Изнутри больше ничто не обжигало, и не было причин подниматься, чтобы продолжить бессмысленный путь. Ветер стих или человек просто перестал его слышать. Теперь это тоже не имело значения. Колющий снег почти мгновенно припорошил путника и замел его глубокие следы. На краткий миг сознание вернулось, и человек увидел, что склон впереди не такой ровный и белый, каким был ниже. Сквозь метель просматривалось темное пятно. Это могло быть обманом зрения, но человек почему-то знал, что видит нечто реальное. Какую-то торчащую из-под снега скалу или, наоборот, пещеру... Пещеру... Пещеру?! Огонь в груди снова заворочался колючим зверьком, а непослушные руки оттолкнулись от корки наста под рыхлой периной свежего снега. Человек выпрямился, но тут же снова упал и пополз.

У входа в пещеру снег лежал высоким сугробом, и, чтобы преодолеть препятствие, человеку пришлось снова встать на ноги. Он неуклюже перевалился через снежный вал и скатился на холодные камни. Пещера была глубокой, и рассмотреть ее дальний конец не представлялось возможным. Человек тут же пожалел, что бросил где-то на середине пути рюкзак и снаряжение. У него не было с собой даже спичек. А значит, не было ни света, ни тепла, и пещера могла стать для него всего лишь уютной могилой, но никак не спасением.

Огонь внутри опять полыхнул, и человек пополз в темноту. Пол пещеры был почти гладким и постепенно уходил вниз. Уклон был минимальным, но очень скоро дышать стало легче, а

завывания ветра за спиной превратились в далекий невнятный отзвук. А еще – стало заметно теплее. Человек на секунду замер и прислушался. Путник не мог ничего видеть, каких-то особенных запахов не ощущал, и все, на что он полагался, были звуки. Шорох его движений отражался от стен, пола и потолка, но терялся впереди. Значит, пещера была длинной и узкой, как тоннель. Человек снова двинулся в путь, теперь уже на четвереньках. Дышалось почти как на равнине. Это было странно, но не настолько, чтобы в сознании человека зародились какие-то опасения.

Он прополз еще немного и вдруг увидел пятнышко света. Далеко он или близко, определить он не мог, но это был настоящий свет, а не игра воображения. Открытие придало путнику сил, и он поднялся на ноги. Стоп он по-прежнему не чувствовал, и, чтобы не упасть, ему пришлось придерживаться за стену. Пройдя несколько шагов, он остановился. Свет разгорался, но сам по себе, вне зависимости от того, приближался к нему путник или отступал. Человек затаился, наблюдая, как золотистое свечение стремительно превращается в зарево, затем обретает ослепительный точечный центр, заливая лучами просвет пещеры-тоннеля, стены, пол, потолок...

«Это путь, – пришла странная мысль. – Путь? Но куда он ведет?»

Свечение окутало человека, и он почувствовал, как согревается. Почувствовал себя умиротворенным и полным жизни. «Никуда. Просто путь...» Он шагнул навстречу свету и...

– Сергей Павлович, проснитесь! Проснитесь, князь! Тревога!

Преображенский открыл глаза и с трудом сфокусировал взгляд на массивной фигуре воеводы. Спросонья казалось, что Воротов занял собой половину спальных покоев. Лицо воеводы было багровым, а глаза блестели в свете тусклого ночника, словно пара стеклянных бусин. Короткие седые волосы пожилого воина были мокрыми и примятыми, а поперек лба пролегла полоса от кантика: видимо, шлем он снял только перед тем, как войти в спальню князя. Сергей сел и потер глаза. После вчерашнего развеселого ужина голова гудела, а желудок возмущенно урчал. Князь сдержанно зевнул и вопросительно уставился на Воротова.

– Застава на третьей орбите сожжена дотла! – выпалил воевода. – Посты второй и первой линий пока держатся, но одно звено штурмовых космолетов все-таки прорвалось. Побрили Астраханку под ноль. Одни руины остались.

– Кто побрил, чьи штурмовики? – Сергей недовольно помотал головой. – Толком докладывай!

– На запросы не отвечают, но я думаю, это Бородача ватага. Тактика один в один как в позапрошлом году, да и машины похожи. Только подлатали их европейцы малость да подкрасили.

– Нейметса? – Преображенский вскочил с кровати и принялся лихорадочно натягивать штаны. – Ну ладно! В этот раз они получают по полной программе!

– Нельзя, – осторожно возразил Воротов. – Вы трехстороннюю бумагу подписывали. Великий Князь больше не потерпит... нарушений.

– Бородач заварушку устроил, ему и отвечать, – отмахнулся Сергей. – Я что же, должен ждать, когда гордеевские «беркуты» прилетят? Да пока они с Земли к нам доберутся, мы заодно с Астраханкой еще десять городов потеряем. Сколько душ поляжет, считать умеешь?

– Десять городов – это сто тысяч как минимум.

– И это всё люди! Мои, заметь, подданные. Я князь или не князь? Никого в обиду не дам! Седлай!

Воротов хотел возразить что-то еще, но Сергей был уже одет, и в каждом движении молодого хозяина Каллисто угадывалась бесповоротная решимость. Теперь его не могли остановить никакие договоры, даже скрепленные подписью самого Великого Князя. Правитель Европы

князь Бородач нарушил условия пакта, и ему следовало дать отпор, а там... Победителей не судят. Тем более если они сражались за правое дело.

Воевода вышел из покоев первым и тут же почти бегом направился к бронированной двери аварийного коридора. Это был самый короткий путь к дворцовому космодрому.

На просторной взлетно-посадочной площадке уже подвывали электропускателями антигравов семнадцать малых рейдеров «Огненного шторма» – личной эскадры князя Преображенского. Будь стычка на орбите помельче, например, если бы заставу на третьей, внешней линии обороны сожгли какие-нибудь залетные разбойники, участия эскадры могло и не потребоваться. Но сегодня случай выпал особый. На независимость Каллисто посягнула серьезная армия. Флот Бородача считался одним из лучших в Солнечной системе, да и в Колониях. Лучше его был только флот Преображенского и великокняжеская армада Гордеева. Последняя в основном потому, что была в десять раз больше. Побить вечного соперника – Преображенского – князь Бородач мог, только применив военную хитрость.

«Какую он мог придумать хитрость? – Сергей усмехнулся. – С пустой-то башкой. Только внезапное нападение и атака на мои корабли, пока они не взлетели. Но даже такую простейшую операцию этот идиот умудрился провести как последний осел! Зачем было бомбить Астраханку? Там же нет никаких космодромов...»

Флагман княжеской эскадры – малый рейдер «Шторм» взлетел во второй линии и сразу заложил крутой вираж. Прodelывать трюки, не покинув атмосферу, было опасно, но только так корабли эскадры могли подойти к противнику незаметно и сразу в боевом порядке. Пропуская эскадру, один за другим «протаяли» широкие проходы в силовых орбитах. Осталась позади ионосфера...

Черный бездонный провал космоса разверзся прямо по курсу, как всегда, внезапно и мощно. Преображенский испытывал это чувство каждый раз, когда покидал планету. Вот ты купаешься в лучах орбитального «солнца», плещешься в прохладной синеве тропосферы, вот тебя баюкает теплая дымка стратосферы, и вдруг весь этот уют и благополучие остаются позади, а прямо перед тобой раскрывает пасть бездна. Она реальна, ты можешь падать в нее до бесконечности, и она повсюду. Вверху, внизу, впереди, позади, по бокам... По спине ползет стайка едва ощутимых мурашек, этакий отголосок примитивных инстинктов, память о том, что ощущали волосатые предки, стоя с дубиной в руке у края какого-нибудь земного каньона...

Черные тени вражеских штурмовиков на мгновение заслонили несколько ярких звезд и полностью разрушили все иллюзии. В мыслях Сергея не осталось ни восторга от величия космической бездны, ни атавистического страха перед бесконечным пространством. Теперь им руководил совсем другой инстинкт. Инстинкт защиты своей территории. Инстинкт воина. Компьютер «Шторма» захватил сразу двадцать три цели и тут же рассортировал их по степени опасности. Отсчитывать секунды до выхода на рубеж атаки уже не было необходимости. Стратосферный маневр эскадры позволил ей подойти к европейцам с тыла на минимальную дистанцию.

– Атака! – приказал князь. – Беглый огонь!

– Чай, кофе, жвачка? – пробормотал корректировщик огневых систем «Шторма», регулируя мощность лучевых пушек.

– Влепи им, Горох! – крикнул оператор связи.

– Три вместе. – Корректировщик Горохов, среди своих – «царь Горох», откинул защитный колпачок на гашетке тяжелых орудий. – Разрешите шайбу между ними загнать, ваша светлость...

– Только резко! – разрешил Сергей.

Дальномер в миллионные доли секунды определил расстояние до точки взрыва. Пушка плюнула ядерным зарядом, разогнав его до трети световой скорости. Сверкнул зеленоватый

сполох предохранительного мини-портала, и в строю кораблей противника тут же образовалась приличная брешь. Взорвались подбитые корабли уже в гиперпространстве.

– Чистая работа, – одобрил Преображенский. – Сейчас они покажут нам пятки.

– Левый фланг противника отходит, – словно в подтверждение его слов доложил связист. – Воротов начал преследование. Подает запрос на продолжение.

– Я же ему сказал, – Сергей поморщился. – Преследовать врага до цитадели! И передай приказ на третий космодром. Пусть поднимают десантные транспорты. И орбитальному парку приказ: отправить тяжелые бомберы к Европе, прикрытие – истребительный полк Березкина и Вторая штурмовая эскадра.

– Дело, – буркнул Горох. – Выжжем этот серпентарий на фиг, чтоб неповадно было...

– Противник отходит по всему фронту, – сообщил связист. – Воротов продолжает преследование силами Первой эскадры. Какой будет приказ «Огненному шторму»?

– Такой же, – Сергей возбужденно хлопнул ладонью по командирскому пульту. – Преследование и шторм Европы с ходу!

– Бомберы бы вперед пустить, – предложил Горох.

– Не учи отца... ругаться. – Преображенский усмехнулся. Экипажу флагмана некоторые вольности по части субординации он прощал. Правда, только в бою. – Мы пойдем на хвосте у сопротивляющегося противника, а они – свободно, без препятствий. Успеют и отбомбиться, и на обратный курс лечь, пока мы доплетемся.

– Ваша светлость, гиперсвязь со штабом «Беркута», – с кислой миной сообщил связист. – Требуют вернуться на базы и ждать инспекции.

– Черт! – Сергей нервно потеревил мочку уха. – Да пошли они!.. Продолжаем операцию!

– Хренов ругается, – виновато сообщил связист. – Вас на прямую связь требует.

– На хрен Хренова, – хохотнул Горох. – Он кто – генерал? Вот пусть своих полковников и... требует.

– Ладно, давай. – Сергей вздохнул и строго взглянул на корректировщика. – А ты, заступничек, сиди и сопи в свои гашетки. Тебе до звания генерала, как до Андромеды пешком. А таким, как Хренов, и вовсе никогда не стать.

– Виноват. – Горох спрятал ухмылку. – Вот вы его уважаете, а он вас «требует». Светлого князя. Порядок, что ли?

– Связь установлена, – оборвал оператор рассуждения канонира.

– Генерал Хренов говорит! Сергей Павлович, вы на линии?

– Преображенский. Слушаю вас, генерал.

– Рекомендую вам прекратить преследование, ваша светлость. Мы сами разберемся с Бородачом. Оперативный отряд бригады «Беркут» уже в пути. А следом за ним вылетела инспекторская группа конфликтной комиссии. Разберемся с князем, не извольте сомневаться. Вы нам больше поможете, если у себя на Каллисто составите подробный протокол ущерба. Ремонтные работы будут назначены незамедлительно и в трехкратном размере. Да еще штраф на Бородача наложим за нарушение договора. Пятьдесят процентов – ваши.

– У меня другое предложение, генерал. – Сергей говорил с интонациями превосходства. Боевые заслуги генерала он искренне уважал, но Хренов был всего лишь генералом армии Великого Князя, а Преображенский правителем целой планеты. Пусть провинциального и маленького, но все же автономного и относительно независимого мирка. – Предлагаю вам взять с Бородача полную сумму штрафа – мою долю можете забрать в счет моего же нарушения договора, – а репарации я взыщу с князя сам.

– Гордеев будет... очень недоволен, – едва сдерживаясь, проронил Хренов.

– Эмоциями мы обменяемся с ним лично. По окончании операции.

– Она закончится гораздо быстрее, чем вы планируете, – уже с явной угрозой заявил генерал. – И, возможно, не только наложением взысканий, но и арестами.

- Вы меня запугиваете?! – возмутился Преображенский. – Не забываетесь, генерал!
- Виноват, ваша светлость, но к этому меня вынуждают обстоятельства... и ваша несговорчивость. Атака Европы будет расценена как акт агрессии.
- Это контрудар!
- Имею соответствующие указания от Великого Князя... Он расценивает это как агрессию.
- Пусть он сам мне об этом скажет! – Сергей просто взвился с кресла и махнул рукой связисту.

Тот отключил канал и утер со лба пот, словно непростой диалог вел не князь, а он сам. Комментариев не поступило и от Гороха. Удерживая колпачок от щелчка, он закрыл кнопку пуска ядерных снарядов и принялся протирать гашетки носовым платком. Офицеры понимали состояние князя, но не могли чем-либо помочь ему, а потому предпочли просто исчезнуть. Физически исчезнуть с рейдера было невозможно, и офицерам пришлось сделать это «виртуально». То есть хотя бы в звуковом режиме.

Сергей тем временем тщетно пытался успокоиться. Решение Великого Князя было несправедливым. Ведь мотивом поступка Преображенского была не месть, он просто отвечал ударом на удар. О масштабной и продолжительной войне он и не помышлял. Бородач сделал выпад, князь Сергей должен был ответить. Ни больше ни меньше. Ответить сильным, коротким контрударом и вернуться домой. Иначе он ничего не стоил как властитель Каллисто, как благородный князь, да и просто как воин. Жители планеты верили ему, почти боготворя справедливого, умного и энергичного правителя, который, несмотря на молодость – ему не было и тридцати пяти, – научился не только защищать свой мирок, но грамотно распоряжался его ресурсами и вел сбалансированную торгово-промышленную политику. Стабильностью в княжестве Сергей во многом был обязан отцу, сумевшему сделать Каллисто одним из ведущих миров Солнечной системы, не говоря уже о Колониях, но ведь удержать, не растратить и даже приумножить богатство предков удавалось далеко не каждому наследнику. Преображенский с этой задачей справлялся, и его любили. Ради этого он готов был спорить даже с Великим Князем, а с остальными князьями, принцами и президентами множества разобщенных человеческих миров мог и подраться. Как на дуэли, так и встав во главе своей армии.

Бородач не был исключением, даже наоборот, ближайший сосед бывал наиболее часто бит, но ему не давали покоя богатство и благополучие Каллисто. Правителем князь Бородач был бездарным, большого наследства не имел, но зато имел непомерные амбиции и, поговаривали, грезил великокняжеским тронem. Грезам было не суждено воплотиться в реальность, и Бородач это понимал, а потому от его мятушейся натуры страдали соседи помельче и послабее правителя матушки-Земли...

И вдруг Великий Князь Гордеев, собиратель солнечных территорий, уравнивает Преображенского с Бородачом! Акт агрессии! А что следовало сделать? Подставить другую щеку? Или отогнать медведя от улья и ждать пасечников, которые изучат «обстоятельства дела» и назначат штрафы? Но ведь это не отобьет у косолапого охоты к меду. Ну, залижет он раны, выплатит репарации, а через год-другой снова полезет за медком. И так до бесконечности. Платить раз в два года десятком тысяч подданных и городком вроде сожженной Астраханки за видимость государственного порядка в Солнечной системе Сергей был не готов. Если государство не может обуздать бунтарей раз и навсегда, значит, это плохое государство. Либо слабое, либо прогнившее, погрязшее в коррупции и лени. Состоять членом такого Объединения Вольных Княжеств просто не имеет смысла. А раз так, какие могут быть трехсторонние пакты?!

Придя к такому выводу, Преображенский немного расслабился. Он непременно выскажет все это Гордееву, ведь разбирательства в Кремле не миновать, но произойдет это позже. Гораздо позже, ведь сейчас на обзорном экране уже показалась Европа! Ее серебристо-голубой диск выплыл из-за тяжелого бока Юпитера и с каждой секундой рос словно на дрожжах... Вот

они, такие же, как и вокруг Каллисто, три силовые оболочки чуть выше стратосферы, посты радиационного мониторинга, орбитальный рефлектор-«солнце», гигантские рассекатели магнитных полей, гравитационные отражатели... Десятки мощнейших инженерно-технических сооружений, призванных обеспечить более-менее приемлемые условия жизни, а также дать людям свободу перемещений и деятельности. Когда-то вблизи таких опасных источников теплового радиоизлучения, как планеты-гиганты, в смертельной зоне их радиационных поясов и сильнейшей магнитосферы можно было жить лишь под прикрытием многослойных куполов, но со временем технологии позволили решить эту проблему, и спутники Юпитера, Сатурна и Урана начали обрастать атмосферами и приспособливать свои поверхности для нормальной человеческой жизнедеятельности. Конечно, не сами. Это делали люди. Несмотря ни на какие катастрофы и распри. На Земле, Марсе и внешних Колониях бушевали войны, шли какие-то переделы, а солнечные спутники существовали словно бы вне этого бушующего мира. Им хватало борьбы со своими гигантами. И когда войны, полыхнув жесточайшим пожаром Пятой мировой, пошли на убыль, спутники вдруг осознали, что среди развалин империй и федераций они выглядят достаточно крупными и самостоятельными государствами. Более того, они стали государствами процветающими. Опять же на общем фоне. Вот тогда-то и началось Возрождение. От малых планет к большим, к далеким колониям и форпостам потянулись торговые тропы бродячих купцов, затем поплыли караваны переселенцев, наладились постоянные взаимовыгодные отношения... Спутники и Колонии оставались независимыми княжествами, королевствами и тому подобными государственными образованиями – кому что было ближе по духу, – но они больше не враждовали. Они даже начинали образовывать пока хрупкие и недоверчивые союзы. И все это благодаря спутникам внешних планет Солнечной системы...

«Гад этот Бородач! Все же на нас практически молятся, пример берут, а он воду мутит».

Сергей не был идеалистом, но в то, что княжества Солнечной являются почти идеалом для Колоний, верил безоговорочно. Далеким и в большинстве своем неуютным «задворкам» вся родная система человечества представлялась чем-то вроде одного большого дворца, где царят хорошие манеры, благородство и романтические отношения. И вот из-за какого-то уродца вся Юпитерианская ветвь семьи сиятельных Солнечных княжеств оказалась заляпана жирной грязью. Конечно, и Сергей в этой ситуации вел себя не лучшим образом: нарушал приказ Гордеева, лез в драку... В Колониях это могли расценить как поведение, недостойное князя, но тут срабатывал иной стимул. Для Преображенского было важнее реальное благополучие Каллисто, а не мнение общественности где-нибудь в созвездии Стрельца...

– Ваша светлость, Воротов на связи, – сообщил оператор. – Просит уточнить цели для бомберов. Они еще не успели ничего накрыть... слава богу!

Преображенский внимательно взглянул на связиста, и тот отвел глаза. Бородач был бесноватым варваром и мог крушить все подряд без зазрения совести, но князь Сергей не такой человек. Это понимали не только его офицеры. Преображенский вдруг почувствовал приступ досады. Он злился на психованного соседа, на кодекс чести, на самого себя, но он не мог сбросить с плеч груз воспитания, благородства и понятий о долге и целесообразности, заложенных отцом чуть ли не в подсознание. В несчастьях Каллисто были виновны Бородач и его дружина, а не жители Европы. Люди создавали этот мир пбтом и кровью, и Сергей не имел никакого права лишать их всего, что они имели. Наказывать следовало князя Бородача, а не Европу. Видимо, запрещая атаковать вражескую вотчину, Гордеев хотел предостеречь молодого князя именно от этой ошибки.

– Не будет никаких целей. – Сергей устало сел в кресло. – Приказ: подавить орбитальные системы обороны над дворцом и наземные силы его ПВО... Платить по счету будет только сам Бородач... Десантный батальон к высадке. Посмотрим, как там у князя в родовом гнезде.

– Можно для профилактики жахнуть прямо по его кабинету. Точечно, – оживился Горох. – У меня как раз пара «умных» ракет на консолях прокисает.

– Во дворце женщины и дети, – строго напомнил Сергей.

– Потери понесем, если без артподготовки, – заметил корректировщик. – Разрешите хотя бы по арсеналу и казармам...

– Нет. – Князь вытянул в сторону разговорчивого канонира указательный палец. – И больше ни слова! Оператор, мой охранный взвод к бою! Остальные десантники – только добровольно. Боевая задача – взять арсенал. На третьем уровне его подземелий хранится княжеский золотозапас. Ремонтники так ремонтники... Не микросхемами же их брать! Какой нам резон себя обижать?

– Передано, – бодро доложил оператор. – Отказов нет. Все вызвались. Воротов просит разрешения лично возглавить рейд.

– Воротову отказать. Он мне нужен в космосе. Десант поведу сам.

– Бородачу привет передайте, – не выдержал Горох.

Сергей посмотрел на его недоумевающее лицо – «не знаю, как вырвалось, клянусь!» – и рассмеялся. Заулыбался и экипаж. В таком настроении идти на опасное дело было предпочтительнее, чем кипеть от злости. Никто не понимал почему, но теперь оба офицера, да и сам Преображенский были практически уверены, что рейд удастся. Хотя бы настолько, чтобы князь вернулся живым и невредимым. Хотя бы князь. И, желательно, не меньше половины десанта...

* * *

Обитатели Европы традиционно любили готику. Шпили остроконечных крыш небоскребов, многочисленных башенок на домах пониже, вытянутые по вертикали окна с пластиковыми витражами, круглые оконца в башнях, массивные многоугольные основания зданий... Все это в представлении архитекторов должно было соответствовать готической традиции. В их довольно трансформированном современном представлении, конечно. Улицы и проспекты крупных и мелких городков утопали в зелени, а незастроенные участки были тщательно спланированы и покрыты затейливыми лабиринтами подстриженного кустарника, травы и цветов. Все реки и ручьи, в незапамятные времена освоения планеты проложенные по строгой схеме, уже давно нашли более удобные русла и теперь то и дело виляли, подбираясь к самым домам. В этих местах их строптивые воды ограничивались гранитными набережными, на которых были организованы удобные площадки для отдыха и развлечений. Кроме островерхих небоскребов и огромных куполов гравитационных генераторов-нагнетателей, Европа славилась ажурными арками многоуровневых движущихся тротуаров и самой грамотной во всем ОВК системой транспортных развязок. Воздушная разметка, висящая на различной высоте пунктирами голографических проекций, такие же светящиеся указатели, знаки и пульсирующие стрелки предписывающих сигналов помогали рационально распределять потоки летающего транспорта любой интенсивности. В основном это были пассажирские лайнеры, вагоны экспрессов, индивидуальные автолеты массового производства, челноки и служебные самолеты. Вальяжные лимузины и спортивные болиды передвигались по традиционным шоссе, проложенным по реальной поверхности планеты и чуть выше: на транспортных уровнях с первого по десятый. Передвигаться на антигравитационных подушках и тем более на колесах было не так быстро, как летать, но те, кто раскатывал в лимузинах, никуда не спешили. А любители погонять на спортивных экипажах упрямо твердили, что это совсем не то же, что летать на сверхзвуковых скоростях, даже в головокругительных лабиринтах воздушных полигонов над Пражским парком развлечений или по каньонам Великого Ущелья. Не тот «драйв» и степень риска, говорили они. Аргументы были спорными, но количество «драйверов» на Европе значительно превышало количество их коллег на других планетах, а потому и уровней асфальтовых шоссе здесь насчитывалось в пять раз больше, чем на Земле, и в десять, чем на Каллисто. Страсть европейцев к архаичным колесным гонкам в полной мере разделяли только жители Титана, пла-

неты-города, упрятанной под четыре уровня жилых оболочек. По этим уровням можно было передвигаться только на традиционных машинах или по системе гибких лифтов-метро. К тому же у титанов была отменная реакция, что немаловажно в таком опасном виде спорта. На всех прочих планетах Солнечной и в Колониях люди предпочитали экономить время и деньги, передвигаясь по воздуху...

...Им больше нравилось скользить в антигравитационных планерах по красноватым небесам Юнкера – в системе двойной желто-красной звезды эта Кассиопеи – и летать по отличающимся бирюзой воздушным просторам Деа – планеты в системе четырех звезд эпсилона Лиры. Они бороздили инверсионными следами реактивных двигателей ослепительные небеса Проциона-12, спутника одноименной бело-желтой звезды, и сплавлялись по черно-белым каскадам туч над холодным Стартом, одной из планет в системе оранжевых звезд 61-Лебеда. Они перечеркивали светящейся воздушной разметкой зеленое небо планеты-города с парадоксальным именем Форест, что сопровождала в бесконечном движении желто-зеленую двойную дзету Геркулеса, и хаотично носились по белому, с легким голубым отливом небу над снегами прохладной Натали – довольно удаленного спутника не слишком горячей, но яркой и крупной альфы Волопаса, больше известной как Арктур. Люди летали под сплошными золотистыми облаками Медеи, бегущей вокруг ближайших Солнечных близнецов – желтой и оранжевой альфы Центавра, и присыпали перчинками черных точек автолетов необычное небо Грации – планеты одной из звезд скопления Гиад, – небо, усеянное и днем, и ночью десятками ярких звезд, выглядевших как спутники размером с Луну. Они устраивали воздушные регаты в темном океане небес Ганимеда и в лазури высокого эфирного пространства Земли...

Да и в синем небе Европы машин насчитывалось в сто раз больше, чем на десяти уровнях шоссе. Вот только его портили эти черные дымные хвосты... На фоне прозрачной синевы безоблачного неба, нежной зелени и благополучия гудящего насыщенной жизнью центрального округа Европы шлейфы уходящих в зенит дымов выглядели особенно зловеще. Они поднимались над северным крылом дворца, клубясь, вытягивались и смещались к югу. Ветер был слабым, и тень от дымов падала лишь на ближайшие кварталы. Люди выходили из своих престижных жилищ и тревожно вглядывались в сверкающие золотистым светоотражающим покрытием башни главного архитектурного ансамбля планеты. От многократно отраженных в стенах-окнах наклонных дымных столбов людям становилось не по себе. Они уже знали, что происходит, и знали, по какой причине горит северное крыло жилища их правителя. И от этого знания им становилось не по себе вдвойне. Более того, им становилось страшно. Ведь, по сообщениям независимых инфоканалов, князь Василий Борисович уничтожил на Каллисто целый город! А что, если князь Сергей Павлович решит ответить тем же?! Хотя... нет. Подданные Бородача были вынуждены признать, что Преображенский более мудр. Подданным Бородача было стыдно в этом признаваться, но князь Сергей не был так безрассудно, преступно, непозволительно взбалмошен, как правитель Европы. Правитель Каллисто нанес удар только по дворцу. Точнее – только по его северному крылу: по арсеналу и казармам. Это лишний раз подтверждало, что штурм не опасен для мирных жителей. Впрочем... лучше было все же на некоторое время уехать подальше из центра. Ведь к центральным кварталам уже приближались истребители резервных сил ПВО Европы. В горячке боя могло произойти что угодно, как бы ни был корректен в своих действиях доблестный и добродетельный Преображенский...

...Арсенал горел, но подожгли его не десантники князя Сергея, а кто-то из европейцев. Доказательством служило то, что пожар начался под самой крышей пятиэтажного здания. Там до последнего держались несколько солдат дворцовой охраны. На них в конце концов плюнули – ведь цель находилась в подвале, а не на чердаке, – и воины Бородача, видимо, решили, что такое пренебрежение противника серьезно умалает их героическую роль. Вот и подожгли. От обиды.

– Сами выползут, – заключил немолодой майор, командир десантно-штурмового батальона, – дышать-то там нечем. Покашляют малость, да и спустятся на грешную твердь.

– Кто внизу? – спросил Сергей, вглядываясь в перспективу анфилады залов центрального корпуса дворца.

– Саперный взвод и третья рота для прикрытия. – Майор ухмыльнулся в пышные усы. – Уже откупорили хранилище-то... теперь товар на роботов грузят.

– Ваша светлость! – Из подвала выглянул молодой розовощекий сержант. Цвет его лица не смогли испортить даже порхающие повсюду неровными клочьями пепел и копоть. – Сколько грузить?

– Сколько влезет, – ответил князь. – Что там у второй роты?

Вопрос он адресовал офицеру-координатору. Тот оторвал взгляд от дисплея боевого компьютера и чуть отклонился назад, чтобы выглянуть из-за плеча княжеского охранника.

– Ведут бой в восточном крыле. Пока они там, европейцам сюда не прорваться. Десять минут у нас есть.

– Это хор... – Сергей не договорил, потому что увидел, как удивленно округляются глаза координатора и как он отклоняется все дальше назад, словно видеть князя ему по-прежнему мешает охранник, а из-под пробитого импульсом шлема на лицо офицеру стекает темно-красная струйка...

– Снайперы!

Преображенский ощутил мощный толчок в спину, и его тут же подхватили сильные руки. Спустя мгновение он уже стоял у каменной стены, прижатый к ней сразу тремя десантниками. Остальные вели беглый огонь по верхним ярусам противоположного дворцового крыла. С выходящих во внутренний двор – как раз на здание арсенала – балконов огрызались несколько лучевых винтовок и кинетических иглометов.

– Саперы, кончай погрузку! – рявкнул в передатчик усатый майор. – Первая рота, прикрывать груз! Вторая рота, отойти к анфиладе! Третья рота, обеспечить посадочное поле! Где дублер-координатор? Фирсов! Разворачивай свой терминал, передай на «Марк-5», пусть садится...

– В основной точке?

– Так точно, сержант, где же еще?

– Третья рота ее пока не зачистила...

– Выполнять! Пока бомбер садится – зачистят... Ваша светлость, боевая задача выполнена, разрешите отходить?

– Так вы вроде бы уже... – промычал Сергей, выбираясь из объятий телохранителей.

– Время экономлю. – Майор чуть улыбнулся. – Все схемы в подкорку въелись, как рефлекс. Штурм, захват, отход...

– У вас отлично получается. – Преображенский уже пришел в себя и снова превратился в князя. – Отходим по анфиладе?

– Так безопаснее. Все-таки укрытие. Хотя бы сверху.

– А если откуда-нибудь из боковых проходов ползут?

– И на этот случай мы тоже до автопилота обучены, – заверил усатый. – Тактика городской войны – «курс молодого бойца»... Фирсов! Ну что там?!

– Бомбер заходит на посадку, третья рота на позициях, прицельный огонь по площадке противник не ведет!

– Можно отходить, – сделал вывод майор. – Сергей Павлович...

Он указал на далекий выход из анфилады. Преображенский чуть нахмурился и пошел следом за дюжими солдатами личной охраны. Фактически всю операцию провел этот майор... Блинов, кажется. В наземных операциях князь оказался полным профаном. Это его раздражало, хотя он понимал, что быть первым во всем не удавалось еще никому на свете. С дру-

гой стороны, операцию задумал он, да и армия из таких отменных профессионалов была не чьей-нибудь, а его, князя Сергея, армией. Тут следовало не раздражаться, а гордиться. Сергей немного приободрился. Все равно он был героем. И для подданных, и для себя. Сам повел бригаду на штурм... Нет, в первую очередь – не испугался гнева Гордеева и отомстил за Астраханку, потом сам повел бригаду, захватил золотозапас Бородача... Золотишко придется, конечно, перевешивать и, за вычетом компенсационной суммы, сдавать по описи казначеям Великого Князя, но факт остается фактом. Да и компенсация осядет приличная, и не бухтами стальных тросов или собачьими консервами, а золотом. Как ни крути, прав был князь Сергей Преображенский, контратаковав – причем безупречно, без гражданских жертв и серьезного материального ущерба – вотчину Бородача. Трижды прав! И пусть теперь Гордеев устраивает ему разнос. Не страшно. Он победитель, и на родине это оценят.

Сергей не был гордецом, и все эти мысли воспринимал без скрытого удовольствия, просто как факты, но все же где-то в глубине души он собой гордился. И не видел в этом ничего предосудительного.

От размышлений его отвлек возглас командира охранного отряда:

– Сударыня! Прошу вас вернуться в покои, здесь опасно!

– Вы ничего не сделаете брату?! Сергей Павлович, прошу вас, умоляю, не трогайте его!

Сударыня ловко увернулась от рук десантников и впиалась длинными белыми пальчиками в плечо князя. Преображенский невольно отметил, как изящны ее пальцы и кисти рук, а затем поднял взгляд к лицу и на секунду замер. Когда он видел эту девушку в последний раз, она была ребенком. Это случилось лет десять назад, в те далекие времена, когда ни он, ни Бородач еще не являлись полновластными князьями и им нечего было делить, кроме пьяных подружек в барах на нейтральных планетах вроде Титана или Ганимеда. Тогда княжичи даже почти дружили, и Сергей пару раз бывал во дворце на Европе. Собственно, из воспоминаний об этих посещениях он и выудил сведения о скрытом под арсеналом хранилище. Тогда-то он встретил княжну Нину впервые. Младшая сестра князя Василия Бородача десять лет назад еще только осваивала грамоту и была просто забавным, похожим на ангелочка ребенком. Теперь перед Преображенским стояло прекрасное юное создание. Узнать ее было, конечно, нетрудно, однако теперь это была девушка, а не маленькая девочка, и поэтому Сергей на секунду замешкался.

– Неужели... – Губы Нины задрожали, а глаза наполнились слезами.

– Нет-нет. – Сергей взял ее за руку. – Успокойтесь, я не знаю, где сейчас ваш брат. Но он жив, это точно.

– Сергей Павлович, простите нас за его выходку. – Нина печально вздохнула и опустила глаза.

– Выходку?! – не сдержался Преображенский. – Убийство десяти тысяч ни в чем не повинных людей вы называете «выходкой»?!

– Простите... – совсем уже шепотом повторила Нина и, высвободив руку, быстро скрылась в боковом коридоре.

– Никто вас и не обвинял, чтобы прощать, – запоздало пробормотал ей вслед князь.

В этот момент у входа в анфиладу появились воины группы прикрытия, и майор Блинов вежливо покашлял:

– Кхм... ваша светлость...

– Да-да... – Сергей вышел из оцепенения и поспешил к месту посадки бомбера.

Погрузка трофеев и взлет прошли быстро и без потерь, хотя и под сильным огнем противника. Преображенский наблюдал за всем отрешенно, словно витал где-то высоко в облаках. Его не растормошили ни близкие взрывы, ни серьезные перегрузки от ускорения, с которым космолет прорывался на орбиту, ни переход через длинный гофрошлюз с борта «Марка-5» на «Шторм». Перед глазами князя стояло лицо Нины. Он никак не хотел себе в этом признаваться, но... Нет, исключено... Хотя чем это могло быть, кроме зарождения вечного чувства?

Сергей бывал влюблен и раньше, но никогда романтическая страсть не зарождалась в нем на поле битвы. Оказывается, это особенное ощущение...

– Летишь? – вдруг раздался над ухом князя знакомый суровый голос.

Сергей вздрогнул и выпал из облака мечтаний, больно ударившись о реальность. На прямой связи был сам Гордеев.

– Лечу, – не нашел лучшего ответа Преображенский.

– Меняй курс. Жду тебя в тронном зале... на ковре.

– Меня одного? – Сергей едва сдержался, чтобы снова не вскипеть. – А Бородача?!

– Он уже здесь. Еще вопросы? Или мне что, и на Каллисто «беркутов» послать?

– Вопросов нет. – Сергей покорно склонил голову и дождался, когда отключится линия. – Воротов, на прямую!

– Слушаю, ваша светлость, – мгновенно отозвался воевода.

– Ярослав Васильевич, я лечу в Кремль, вы там, дома, за меня... Справитесь?

– Не впервой, – озабоченно ответил Воротов. – Держитесь, Сергей Павлович. Гордеев крепкий старик, но и у него душа не каменная, да и справедливости ему не занимать. Обойдется.

– Надеюсь. – Преображенскому очень хотелось удрученно вздохнуть, но рядом были офицеры. – Буду завтра к полудню...

* * *

– Какой год на дворе? – Гордеев указал за окно, словно где-то там во дворе древнего Кремля – внутренней части великокняжеского дворца, например над Царь-пушкой, должны висеть цифры. Прямо в воздухе.

– Двадцать третий, – ответил Бородач, старательно разглядывая темные прожилки в малахитовой колонне.

Его красное одутловатое лицо с крупным носом и рыхлой пористой кожей выглядело призовой иллюстрацией на тему «несправедливо обиженные придирчивой властью». Между тем волосы его были всклокочены, то есть выглядели так, как могут выглядеть волосы человека, не снимавшего последние сутки боевой шлем, а руки и подбородок покрывала сажа.

– Вот именно! – Гордеев подошел к зачинщику конфликта вплотную. – Две тысячи триста двадцать третий. Не двести шестьдесят пятый и даже не девяностый, а триста двадцать третий! Уже тридцать лет никаких серьезных войн не было. Даже пограничные проблемы научились миром решать, и вдруг – на, Гордеев, получай! Да еще где?! В сердце ОВК, при Юпитере! Как это называется?! Отвечай мне, Бородач! Оплеуха верховной власти и лично князю Гордееву?

– Да при чем тут вы? – Бородач переместил потемневший взгляд к основанию колонны. Малахита в ней было тонн десять, а то и более. Князь примерно прикинул, сколько она может стоять, и едва заметно вздохнул. Отвешивать оплеухи верховной власти, позволяющей себе обставлять тронный зал тремя десятками малахитовых колонн, было бы не с руки даже принцам богатого Марсианского Триумvirата. Тем более не мог этого сделать такой голодранец, как князь Бородач. – Я просто хотел потолковать с Преображенским...

– На каком, интересно узнать, языке? – Великий Князь скептически прищурился, и вокруг его глаз пролегли глубокие морщинки. – И что на твоём языке означают три ядерных взрыва? Восклицательные знаки?

– Да они сами... Мы только подошли, а с заставы по нам огонь открыли.

– Только подошли? – Гордеев усмехнулся. – В атакующем порядке? И от удивления, что по вам стреляют, вы шарахнули по Астраханке. Так?

– Нет, ну что вы всё с какими-то подначками?! Ну перестарался малость. Ну бывает... А вы сразу кричать да иронизировать. Мы тут, кстати, все на добровольных началах присутствуем!

– Я не иронизирую, Бородач, – Гордеев укоризненно покачал головой, – я тебя стыжу. А что касается добровольных начал... Был ты в Объединении на таких началах, не спорю. Их еще отец твой заложил, начала эти. Да только три года назад профукал ты его наследство и в долг ко мне залез. Хочешь выйти из ОВК? Скатертью дорога! Только сначала верни должок.

– Да были у меня деньги! Я их для того и собирал, чтобы вам отдать! Но теперь их этот вот украл, – Бородач мотнул головой в сторону Сергея.

– Ты кого это вором назвал, скотина! – Преображенский сжал кулаки.

– Подеритесь еще! Прямо здесь! – гаркнул на них Великий Князь. – Тоже мне благородные отпрыски знатных родов! И так на всю Галактику ославились!

– Я защищался, – упрямо наклонив голову, заявил Сергей.

– Лучше молчи! – с досадой произнес Гордеев. – Получай свои «роялти» и молчи. Твоя вина тоже на приличный болт в одно место потянет. Кто ослушался моего приказа? Не ты?

– Я... только ответил! Никто не пострадал.

– Никто? А три десятка солдат дворцовой охраны и восемьдесят человек летного состава? Это, между прочим, были чьи-то мужья, отцы... Ты считаешь, что ни они, ни их семьи не пострадали?

– А десять тысяч граждан Каллисто?! Женщины, дети... Что вы сравниваете, ваша светлость?! Солдаты сами выбрали свою судьбу, еще когда завербовались в армию, а почему их участь разделили мирные люди? Кто дал право этому сиятельству узурпировать божий промысел?

– От сиятельства слышу, – буркнул Бородач. Даже при обсуждении серьезных вопросов его больше волновало, как бы не пропустить очередное оскорбление или малейший оттенок сарказма в словах оппонентов.

– Десять тысяч гражданских или сотня солдат – это всё одно души, – устало парировал Великий Князь. – А значит, и ты, Преображенский, не лучше... И на меня, а значит, и все ОВК ты плюнул точно так же, как Бородач. Равная ваша вина. Это мое последнее слово. Расчет репараций вам сделают инспекторы конфликтной комиссии, а предписания на штрафы получите в казначействе.

– А золото?! – снова завелся Бородач. – Пусть он вернет мое золото!

– Если что-то останется после выплаты компенсации и штрафа – получишь обратно, – пообещал Гордеев. – Только там вряд ли что-то останется. Ты еще и должен окажешься.

– А почему золотом?! – завопил князь всея Европы. – Почему не кредитами или зачетами по промышленным поставкам?!

– Потому что сразу надо было думать о последствиях, – не удержался от комментария Преображенский.

– Ваша светлость, прикажите ему заткнуться!

– Оба свободны, – Гордеев указал на дверь. – Неделя сроку! Не рассчитаетесь – пеняйте на себя!

Едва за спиной сомкнулись створки дверей в тронный зал, Бородач бросил на Сергея уничтожающий взгляд и поправил пустующие ножны кортика.

– Молись, если умеешь, князь, недолго тебе жировать!

– У тебя золотишко-то осталось? – Преображенский усмехнулся и пошел к покрытой ковром лестнице.

– У меня не осталось, у других найдется, – прошипел ему вслед соперник. – Навалимся, никакие «беркуты» не помогут!

– Никто с тобой не пойдет, – через плечо бросил Сергей. – Потому что ты неудачник, а с неудачниками связываться – себе дороже выйдет.

– Это мы еще посмотрим! – сжимая кулаки, почти выкрикнул Бородач. – Посмотрим, кто из нас неудачник! Астраханке привет и наилучшие пожелания!

Преображенский замедлил шаг и едва удержался, чтобы не вернуться и не заехать ему по потной физиономии. Остановило Сергея лишь то, что свидетелями этой некрасивой сцены могли стать два десятка придворных и слуг. Терять лицо при таком стечении народа князю было бы стыдно. Он, не оборачиваясь, спустился по лестнице и принял от дежурного офицера свой кортик и шлем. У подъезда его уже поджидал сверкающий черной полировкой «Викинг» – наземный автомодуль «Шторма». В качестве шофера княжеского лимузина во всех подобных случаях выступал Горох. Он проворно выскочил, чтобы распахнуть перед князем дверцу, но Сергей проигнорировал протокол и открыл дверь сам. Об этом мелком нарушении дворцовых правил назавтра будет судачить весь Кремль, да и в кулуарах дворянских собраний непременно кто-нибудь упомянет, что князь Сергей проявил непозволительную поспешность, но Преображенского такие мелочи сейчас не волновали. Все равно это будет списано на нервное перенапряжение, испытанное Сергеем во время аудиенции у Великого Князя. Правителя Каллисто больше тревожили слова Бородача.

«Навалимся...» Создавать сомнительные коалиции было вполне в духе Бородача. Найти пару-тройку таких же авантюристов – не обязательно родовитых, просто богатых бездельников, имеющих личные отряды, – было проще простого. При желании Сергей и сам мог бы собрать приличную армию и осадить Европу так, что мышь не прошмыгнет. Но Преображенскому это было ни к чему, его больше интересовало процветание собственного мира, а не захват соседних. Да и с Гордеевым ссориться он не хотел, а вот Бородач... Нагоняй от Великого Князя и потеря золотозапаса его наверняка только распалили.

Преображенский невольно взглянул в боковое стекло. Машина Бородача уже выезжала из башенных ворот. Можно было, конечно, проследить, куда он направляется, и тогда ситуация стала бы более определенной. Тогда князь хотя бы понял, чего ожидать от невменяемого соседа. Но ехать на «Викинге» за европейским «Волком» Бородача было слишком откровенно, а других машин под боком не имелось. Да и лишних людей на борту «Шторма» не осталось.

– Куда поедет, ваша светлость? – наконец нарушил молчание Горох. – В порт?

– Нет. – Сергей понял, что его лимузин стоит у подъезда слишком долго и этим вызывает беспокойство у охраны, а также дает дополнительную пищу сплетникам. – Едем в посольство.

– Не получится, – пробормотал Горох, выводя машину на дорогу к воротам.

– Чего не получится? – рассеянно спросил Сергей.

– Внезапной инспекции не получится, – пояснил шофер. – Они там наверняка уже час как с пылесосами по этажам носятся. Тут слухи быстрее тока распространяются. Столица...

– Это точно, столица... – Князь на секунду задумался. – Дай-ка мне военного атташе.

Горох нажал на приборной панели пару кнопок, и между водительской кабиной и салоном поднялась прозрачная перегородка, а на ней, как на экране, возникло изображение подтянутого военного атташе. Даже в гражданском костюме он выглядел готовым к высочайшему строевому смотру, а взгляд его светился вниманием и готовностью выполнить любую задачу. Служба в посольстве на Земле считалась вершиной любой дипломатической, да и военной карьеры. За исключением, пожалуй, таких вершин, как первый министр или воевода. Попадая на столь теплые места, люди держались за свои портфели руками и ногами. Впрочем, никаких претензий к сотрудникам посольства Каллисто на Земле у Сергея не было. Работали они не покладая рук, лишнего не болтали, а сведения поставляли только самые проверенные и объективные.

– Ваша светлость, – атташе коротко, по-военному, поклонился.

– Иннокентий Семенович, – князь милостиво – уголками губ – улыбнулся. – Укрепите линию, пожалуйста...

Атгаше протянул руку куда-то за кадр, и краски видеокартинки стали ярче, а контуры изображения резче. Это означало, что связь теперь осуществляется по гиперлинии и перехватить разговор практически невозможно.

– Слушаю вас, Сергей Павлович.

– Мне нужно установить наружное наблюдение за Бородачом.

– Понимаю. – Атгаше снова протянул руку и что-то переключил. – Я позволил себе задействовать наш спутник связи. Он – вы, наверное, в курсе – осуществляет не только... э-э... прямые функции. Извольте, вот крупный план кварталов вокруг Кремля... «Волк», если мне не изменяет память?

– Не изменяет. Память.

– Машина для столицы редкая... Да, конечно, вот она. Двигается по набережной.

– Спутника будет мало. Мне нужно знать, с кем он намерен встретиться.

– Я уже поднял техническую бригаду. Через пять минут они сядут «Волку» на хвост... простите за ответный каламбур.

– Хорошо. – Сергей помассировал виски. – Я скоро буду у вас. Андреев на месте?

– Согласно утвержденному вами годовому плану, господин посол ведет переговоры с Африканской Алмазной компанией. Он сейчас в Йоханнесбурге. Я сообщил ему о вашем прибытии, он готов вылететь немедленно.

– Не надо, – Сергей покачал головой. – Приготовьте, пожалуйста, свежий отчет и передайте послу, чтобы не торопился. Я не намерен задерживаться на Земле...

Вообще-то, прилетая по менее щекотливым делам, Преображенский нередко задерживался в столице хотя бы на день-другой. Она того стоила. Даже если не принимать в расчет богатейшую гамму развлечений, здесь было просто приятно находиться. Красивейшая архитектура, умелая планировка и подсветка проспектов, яркие, разноцветные фигуры объемных роликов, нескончаемые потоки самых невероятных машин, кажется, тысяч моделей, движущихся в небе и по земле в различных направлениях и на разной высоте... Повсюду огни, звуки, голоса, смех, музыка, мелодичные и не очень сигналы машин, переключки программ сотен инфоканалов... И бесконечное количество людей. Они деловиты, они расслаблены, они спешат и гуляют, смеются и беседуют, они скучают на тротуарах, движущихся по ажурным арочным виадукам, и веселятся на тротуарах обычных, асфальтовых. Они что-то оживленно обсуждают, входя в вагоны экспрессов и выходя из них на платформы, с которых их уносят в разные стороны те же медлительные эскалаторы-тротуары, платформы-пролетки, такси, многоместные корпоративные экипажи и частные автолеты. Люди забредают в ресторанчики, выходят из магазинов, сидят на газонах и парапетах уровней-балконов, беспечно болтая ногами, поднимаются в капсулах наружных лифтов на немыслимые высоты небоскребов и спускаются на грешную твердь. Они движутся по самым разным делам или без дел, они едят, пьют, целуются, танцуют и поют. Потоки людей то и дело закручиваются в водовороты, то у открытой концертной площадки, то напротив кафе, где дает концерт очередная шоу-звезда или просто кто-то играет живую музыку. Они то и дело ныряют в колодцы и лабиринты жилых комплексов, выныривают оттуда и снова ныряют... И это бесконечное движение, эта жизненная суета Столицы Всех Миров не прекращается ни на секунду. Над ней меняют цвет и декорации небеса – от солнечной синевы до лунно-звездной черноты, – но ритм жизни города от этого почти не меняется. Чуть смещаются акценты, днем активнее деловые кварталы, а ночью развлекательные, но в целом столица не умолкает ни на миг...

Куда до нее патриархальной и неторопливой Каллисто, где все словно застыло лет триста пятьдесят назад и так и живет по законам этого моментального снимка... Где активное дви-

жение можно увидеть лишь на рынках да вокзалах... Где плавная, спокойная, рациональная и неторопливая жизнь считается главной составляющей счастья...

Что и говорить, каким-нибудь мыслителям на Каллисто было, наверное, комфортно, но людям более «приземленным» прокисать в провинциальном болотце не доставляло особого удовольствия, и они всеми силами рвались на Землю. И было таких мятущихся душ на спутнике не так уж мало. И правитель Каллисто тоже был среди них, хотя во всеуслышание о своей тайной любви к земным соблазнам он, конечно, не распространялся...

На крыльце посольства Преображенского встречали все ответственные сотрудники. Возглавлял делегацию, конечно же, Иннокентий Семенович Панин, военный атташе, а в отсутствие посла – исполняющий его обязанности. Сергей, которого после аудиенции в Кремле мучила головная боль, вяло поздоровался с секретарями, сделал ручкой прочим клеркам и принял рапорт от начальника охраны – бравого подполковника отдельной десантной бригады. Покончив с формальностями, он поднялся в свой кабинет и устало плюхнулся в кресло.

В комнате все было как и три месяца назад, когда Преображенский работал здесь над договором с принцем Энтони, хозяином земного удела Англия. Формально эта территория Великого Княжества имела статус независимой – такой же, как у спутников или Колоний, – и многие столичные договоры приходилось дублировать в переложении на Англию. Почему было не заключать сразу единый договор, например, «о дружбе с Великим Княжеством Земля и княжеством Англия», не мог объяснить никто, даже сам Энтони – парень в общем-то не кичливый... С тех пор прошло три месяца, но в кабинете ничего не изменилось. Здесь, несомненно, протирали пыль и поливали цветы, однако книга на столе так и была раскрыта на сороковой странице, а лазерное перо до сих пор служило закладкой в толстом юридическом справочнике.

Неприкосновенностью кабинета Сергей остался доволен. Он откинул голову на подголовник кресла и развернулся к дверям. В дверях стоял Панин, а за его плечом – безукоризненно крахмальный официант.

– Я позволил себе предположить, что от вашего недуга неплохо бы принять рюмку наиболее эффективного лекарства, – несколько витиевато высказался атташе. Сергей вспомнил, что Иннокентий Семенович уже три года числится в первой десятке претендентов на дворянский титул. Почему все кандидаты в дворяне считали своим долгом осваивать изящную словесность, Преображенский не понимал. Наверное, потому, что не слышали, как на самом деле объясняются друг с другом князья. Например, как Великий Князь обещает их любимому правителю «болт в одно место»...

– Да, пожалуй.

Перед Сергеем тут же оказался официант с подносом, на котором стояли коньяк, рюмка и блюдо с дольками лимона. Царский рецепт. Никаких аптек.

С головной болью справилась только вторая терапевтическая доза. К тому моменту в руках у Панина оказались не только общий отчет и сводка по военным поставкам, но и первый рапорт от службы наружного наблюдения.

– Родионов и Карпов... – прочел Сергей. – Отставной генерал и сынок промышленника. Так я и думал.

– Родионов имеет на Европе поместье, а отцу Карпова принадлежат три крупных горнодобывающих предприятия в ее экваториальной зоне, – подсказал Панин. – Эти господа многим обязаны Бородачу. Но главное, оба имеют лицензию на содержание собственной охранной службы. Причем второй возглавляет охрану лично. Это опасный симптом, Сергей Павлович, я бы рекомендовал прослушать их беседу.

– Незаконное прослушивание частных разговоров... – Преображенский в сомнениях потер кончик носа. – Мы встаем на скользкий путь, Иннокентий Семенович.

– Это можно рассматривать как мероприятие военной разведки, – возразил атташе. – Угрозы со стороны Бородача были весьма недвусмысленны.

Сергей отметил про себя, что слухи действительно быстрее тока. Горох был прав. О перепалке с европейским князем знали уже все кому не лень.

– Хорошо. – Преображенский развернулся к настенному экрану. – Дайте полный вид.

Экран осветился, и на нем возникло изображение сидящих в дорогом ресторане князя Бородача и его приятелей. Ракурс был взят такой, будто камера стояла прямо перед столиком. Звук был не хуже. Казалось, что его улавливают не дистанционные приборы, а микрофоны, вшитые в воротники заговорщиков. Деньги на техническое обеспечение посольства даром не пропадали. Это Сергея порадовало...

...– Порву эту падлу! – разорвался Бородач. – В параше утоплю!

(Преображенский криво улыбнулся. Его светлость князь Европы преподавал урок весьма продвинутой благородной словесности. Панину было чему поучиться.)

– Руки у тебя короткие, светлость, и ноги косолапые, – хохотнул Карпов-младший. – Где ты деньги возьмешь? Тебе же сначала с Гордеевым рассчитаться надо, а потом ораву свою перевооружить. Серый половину твоих рейдеров сжег. Чем ты его рвать собрался? Ногтями, как базарная баба?

– Засохни, щенок! Надо будет, и ногтями порву!

– Ага, прикидываю картину! Исцарапанный Преображенский мочится на твою могилу...

– Ах ты, гнида!

– Спокойнее, господа, – остановил их перепалку Родионов. – Нам следует подойти к вопросу взвешенно, рационально...

– Ты мне бомбы и фугасы одолжи, а я уж их взвешу! – Бородач брызнул на скатерть слюной. – А ты, щенок, чтобы завтра же пару миллионов на мой счет перевел!

– Во! – Карпов показал князю кукиш.

– Ур-рою! – Бородач взмахнул рукой, словно собираясь хлопнуть строптивного юнца по лбу.

– Тише, тише, – попытался успокоить их Родионов. – Одними фугасами здесь не обойтись. Нужны и средства доставки, и личный состав, и десантная техника и вооружение. Двумя миллионами тут не отделаешься. Да и наших отрядов, даже вместе с вашей армией, князь, будет недостаточно. Нам следует вовлечь в коалицию максимальное количество союзников.

– Да кто за ним пойдет?! – Карпов ухмыльнулся. – Ни денег, ни силы, один гонор тухлый!

– Пар-шивец! – прошипел Бородач.

– Денег у князя маловато, это верно, – задумчиво сказал генерал. – Но их много у Преображенского. Если кампания будет тщательно спланирована, то трофеи и контрибуции покроют любые издержки. Война всегда была выгодным предприятием. Я думаю, все кредиторы это прекрасно понимают.

– Надаёт вам Серый по сопаткам, будут вам контрибуции. – Карпов махнул рукой. – А потом еще и Гордеев поддаст. Так поддаст, что год будете жидко гадить и кровью мочиться.

– Вам?! – Бородач хлопнул ладонью по столу. – Нам, а не «вам»! Ты думаешь в теньке отсидеться? Не получится, со мной пойдешь!

– Чего я не видел на Каллисто? – Карпов помотал головой. – Мне трофеи не нужны. Мне папашиных денег хватает. А за твою растоптанную честь биться и вовсе нет резона. Сегодня тебя Преображенский поимел, завтра какой-нибудь Вяземский с тыла к тебе подойдет. Какая тут честь выдержит? Нет, Борода, за свою бестолковость сам воюй... Ладно, земляки, вы тут заговоры плетите, а я пошел.

– Сидеть! – рявкнул Бородач, но Карпов не послушался.

– Ты на папика так попробуй заорать, он тебе быстро объяснит, кто такой князь Бородач без компании «Карпов и сын».

– Ну погоди ты, – Бородач резко сменил тон на почти дружеский. – Что ты сразу в отказ-то? Генерал дело говорит. Продумать кампанию надо и кредитов взять под это дело, тогда и союзники найдутся, и получится все. Садись, выпей...

Он отнял у безучастного официанта бутылку и налил Карпову. Тот после недолгого размышления сел, но лицо его по-прежнему сохраняло крайне скептическое выражение.

– План я могу разработать лично, – сказал Родионов. – Это не так уж сложно. Схемы штурма малых планет уже давно продуманы до мелочей.

– Погоди, фельдмаршал, а с «беркутами»-то как? – Карпов фыркнул. – Планы они разрабатывают! Ну, закатаете вы Преображенского в асфальт, выпотрошите Каллисто, а после-то что? Гордеев же вас на елках вокруг Кремля гирляндами развесит!

– Нас! – снова поправил его Бородач.

– А я не хочу тут болтаться. – Карпов снова встал. – Когда вырুলите из своего маразма, приходите, а пока мне с вами не по пути.

– Да и черт с тобой! – Бородач схватил нетронутую рюмку Карпова и выплеснул ему на брюки. – Сам потом пожалеешь, что такую заварушку пропустил, ссыкун!

– Тебе, князь, не воевать надо, а лечиться, – парень протер мокрое пятно на брюках салфеткой, – цианистым калием!

Он швырнул салфетку на стол и вышел из ресторана...

...Сергей махнул рукой, и Панин выключил телевизор.

– Что-то буксует заговор, – Преображенский усмехнулся. – Но идиотов на свете гораздо больше, чем здравомыслящих людей. Или таких вот осторожных, как молодой Карпов.

– Идиоты не имеют денег, чтобы стать кредиторами, – заметил атташе.

– Зато их легко поставить под ружье. А деньги могут дать другие, умные и жадные. Мы богатое государство, а значит, лакомый кусок для миллионов голодных шакалов. Но, что гораздо печальнее, мы желанная добыча еще и для тысяч голодных волков, тигров и прочих хищников. Таких, например, как этот Родионов. Генерал – очень опасный противник.

– Родионов? – Иннокентий Семенович хотел снисходительно усмехнуться, но у него не получилось. Генерал Родионов считался одним из лучших офицеров великокняжеской армии. В свое время он был в ней заместителем начальника Генерального штаба. Должность считалась очень и очень высокой, и без особых боевых заслуг, по протекции на нее было не пролезть. – Да, пожалуй, с генералом Бородач становится вдвойне опасным. Не могу понять, зачем Родионову нужна эта авантюра? С его-то репутацией и состоянием...

– Вряд ли мы сумеем понять мотивы всех, кто присоединится к Бородачу. Важнее другое – коалиция имеет реальные шансы. Если она состоится и в нее войдут серьезные силы, нам не помогут ни «беркуты», ни вся великокняжеская армия. Они элементарно опоздают, а когда все закончится, разбирать полеты будет поздно. Для нас поздно.

– Можно показать запись этой беседы начальнику СБ ОВК Барышеву или самому Гордееву...

– Эта запись ничего не доказывает. Начальник Службы Безопасности просто пожмет плечами и порекомендует выпить успокоительного, а Гордеев и вовсе пошлет подальше. Рассерженный Бородач, кроющийся матюгами всех и вся, – не сюжет для уголовного дела. Ведь пока никто никуда не летит, никакие деньги не переводит, солдат не вербует и оружие не закупает.

– Так что же делать?

– Ждать. – Сергей поднялся с кресла. – И готовиться к серьезной войне.

– Для такой войны потребуется соответствующее оружие. – Атташе озадаченно взглянул на листки с отчетами о военных поставках. – Вот это все нас не выручит. Здесь в основ-

ном модернизированное стрелковое оружие, запчасти и боеприпасы. Для обороны планеты нам необходимы тяжелые орудия, установки заградительного огня, мины, силовые шокеры, сигнально-блокирующие цепи, ежи, брандеры, корабли – постановщики помех и так далее... Список немалый, и у нас пока нет даже десятой части необходимого.

– Ну что ж, придется переориентировать поставщиков. – Князь застегнул мундир. – Займитесь этим, Иннокентий Семенович, прямо с сегодняшнего дня. Я, конечно, подключу и «Военно-промышленную компанию», и «Госвооружение», но на поставки с Земли я возлагаю особые надежды. То есть на вас.

– Благодарю за доверие, ваша светлость, только... Родионов сказал, что схемы штурма малых планет давно продуманы до мелочей. – Панин немного помолчал, словно собираясь с мыслями. – И он абсолютно прав. Все, что я перечислил, является стандартным оборонительным вооружением. К тому же не самым новым. Преодолеть эти заграждения и системы не так уж сложно.

– Что вы хотите сказать? – Преображенский остановился на пороге и удивленно посмотрел на атташе. – Что, если армию Бородача подготовит и поведет Родионов, нам придется туго?

– Господь с вами, Сергей Павлович! – Панин всплеснул руками. – Я хотел сказать, что нам не следует успокаиваться на оснащении армии обычными оборонительными вооружениями. Надо искать новые, нестандартные решения.

– Я вас понял, – Сергей кивнул. – Если такие решения существуют, мы их найдем...

ГЛАВА 2

Апрель 2323 г. ОВК – Рубеж

Раннее утро – прекрасное время суток. «Жаворонок» ты или «сова», но летний рассвет вселяет в душу особенные чувства. На Каллисто не было других времен года. Календарь подразумевал и осень, и весну, и Новый год, но природа спутника оставалась равнодушной к этим условностям. Леса меняли листву незаметно, словно нехотя, а поля зеленели всегда, позволяя снимать по два, а то и по три урожая в год. В условный, человеческий год. Потому, наверное, и люди на Каллисто жили добрые, приветливые и благодарные. Их не утомляла резкая и зачастую несвоевременная разнузданность холодных северных ветров, неожиданные заморозки, ураганы, снежные бури или летние засухи. Их не раздражали долгие, отчаянные морозы или промозглая осенняя слякоть. Их вообще не беспокоила природа. Словно они жили не на планете, а в огромной квартире с тщательно отрегулированным микроклиматом, полной свежего воздуха и света. Люди всегда улыбались, почти не ссорились и никуда не спешили. Отсутствие сезонных циклов превращало их жизнь в бесконечную череду дней, недель, месяцев и лет, не имеющих никаких различий. Январь любого года был как две капли воды похож на июль, а сентябрь на май. Кроме комфортного существования, такой климат обеспечивал жителям Каллисто неплохой доход. Ведь туристский сезон не имел никаких пиков или провалов. Он длился круглый год. А по части курортных развлечений полусонные подданные Преображенского не знали себе равных во всей Галактике. Даже признанная ценителями Терция, согретая яркой и горячей альфой Лиры – Вегой, уступала Каллисто не только тем, что располагалась в восьми парсеках от Солнечной. Терция была роскошным курортом высочайшего класса, однако Каллисто подкупала какой-то незатейливой, но добротной простотой. Отдыхать на Терции было вполне по средствам любому подданному Объединения, но там он был туристом, а на Каллисто он неожиданно для самого себя превращался в любимого племянника, приехавшего в гости к добрейшей тетушке – чистюле и завидной поварихе. А еще к его услугам были побережья и острова теплых морей, золотые пляжи, бесконечные виноградники и оливковые рощи, псевдотропические леса и таежные заповедники, реки и озера, горные пороги и водопады... И все это вмещало бесконечное разнообразие полезной с точки зрения любого человека флоры: банановых кущ, кокосовых пальм и зарослей «чего-только-угодно» – от малины до манго. Рынки ломались от обилия дешевых даров щедрой, теплой природы. И что удивительно, искусственность происхождения природы никак не отражалась на натуральности продуктов. Никакой гидропоники или генетической селекции на Каллисто не применяли отродясь. Все выращивалось «по-честному». Люди ценили то, что имели. А имели они в первую очередь завидную репутацию. Курортным бизнесом жили все: от врачей и персонала бесчисленных частных санаториев до простых обывателей. Первые предоставляли услуги высочайшего качества, подтвержденные десятками лицензий и сертификатов, а вторые привносили в жизнь отдыхающих незабываемый колорит. Конечно, не всегда в пуританских рамках, но курортным борделем Каллисто никогда не была и становиться не собиралась. Просто... ну что было поделать, если на ласковом солнышке подрастали такие красивые девчонки, а богатенькие (зачастую накопившие нужную сумму за пару лет напряженного труда) отдыхающие были настолько благодотно расположены, что расставались с деньгами легко и непринужденно? Вокруг был настоящий рай, и ангелочки в нем выглядели вполне уместно...

Хотя стараниями соседей рай был уже немного подпорчен... Зловещая Астраханка успела изрядно подпортить «туристический климат». Здесь было о чем поразмыслить и Совету, и самому князю. Преображенский этим, собственно, и занимался все свободное время, но времени этого было не так уж много. Всегда находились какие-то неотложные дела. Вот сейчас, например, он пил кофе...

После завтрака Сергей всегда пил кофе на южной террасе. Привычка досталась ему от отца. Не в виде особого гена, кодирующего эту черту характера, и не как наследный символ высокого положения – хотя пить кофе на террасе с видом на роскошный дворцовый парк все равно что восседать на троне со скипетром и державой. Но все же смысл заключался в другом. Здесь и в это время было удобнее всего решать мелкие вопросы. Утренний прием простых подданных – ровно час, с девяти до десяти, – был традицией, заведенной еще дедом. Поначалу он встречался с народом в тронном зале, но однажды, для разнообразия, переместился на террасу и совместил прием с утренним кофе. С тех пор «пойти на террасу» стало в народе расхожим выражением. Люди проходили через парк по песчаной дорожке, делились с князем своими проблемами и, получив совет или оставив челобитную, уходили через противоположные ворота. Отец Сергея следовал традиции неукоснительно, и молодой князь тоже не видел смысла упразднить этот ритуал.

Сегодня народ шел в основном, чтобы выразить почтение и благодарность. За то, что князь отогнал орду Бородача, за то, что не уронил честь Каллисто, за его мужество... Сергей терпеливо выслушивал добрые слова и пожимал руки. Было приятно, хотя и не настолько, чтобы голова закружилась, а сердце защемило, как, например, тогда на Европе. Когда он увидел Нину...

Рядом с князем сидел Воротов. После того как Сергей рассказал воеводе о том, что произошло на Земле, он пребывал в постоянном размышлении. Изредка выплывая из глубокого, вязкого моря раздумий, Ярослав Васильевич бросал короткие фразы-резюме и снова «нырял» внутрь себя.

– Супероружие, – в очередной раз вслух подытожил воевода. – Чтобы, значит, своих не тронуло, а врагов посекло? Кхм... Задача...

Преображенский кивнул и обратил светлый взор на очередного посетителя. Вернее, посетительницу. Это была девушка, совсем юная, почти как Нина... Сергей попытался сосредоточиться на ее словах, но она щебетала о том же, что и десяток предыдущих ходочков.

«Астраханка... родственники... У нее кто-то жил в Астраханке... А-а, бабушка... Какая нежная кожа... Нина выше ростом, и у нее более овальное лицо... А волосы чуть светлее, с золотым отливом... И глаза другой формы... У Нины они больше и не серые, а небесно-голубые...»

Сергей очнулся, когда посетительница задала какой-то вопрос. Переспрашивать было неудобно, и князь вместо ответа улыбнулся и промычал что-то неопределенное. Девушка поклонилась и пошла к выходу.

«Интересно, что она спросила?»

– Может быть, четвертый уровень орбитального силового поля развернуть? – озвучил очередную мысль Воротов. – Дорого обойдется. Дешевле в каждом кубическом километре по «Градобою» подвесить. Или залповые лучеметы на маневрирующих платформах... Да нет, все равно не то.

Сергей взглянул на часы. До конца приема оставалось пять минут. Поток посетителей иссяк, и он, потягиваясь, поднялся. Сегодня он собирался слетать в Астраханку, лично проверить, как идут восстановительные работы. Вернее, это были даже не восстановительные работы, а строительство нового городка. Он и территориально располагался на сто тридцать километров южнее уничтоженного Бородачом, выше по реке. А там, где лежали руины старого города, трудились роботы бригады радиационно-химической защиты. Они работали без усталости, роя двадцатиметровый в глубину и многокилометровый в диаметре котлован, чтобы упрятать в нем, под толстым слоем баритобетона и свинцовыми плитами, радиоактивные останки и домов, и людей, и машин – разделить их было уже невозможно.

– Пора, Ярослав Васильевич, – князь похлопал воеводу по плечу. – Не то и к ужину не вернемся...

– А? Да-да. – Воротов поспешно встал и оправил мундир. – Супероружие отдельно, а текущие дела – отдельно...

– Пять минут – огромное время, великий князь, – неожиданно послышалось с песчаной дорожки.

– Я пока еще просто князь, – оборачиваясь, сказал Сергей.

– Ну, так это же – пока. – У края террасы стоял невысокий пухленький человечек восточной наружности в одеянии бродячего купца.

Такие типы были не редкостью на рынках Каллисто, но во дворец пока ни один из них не забредал. Тем более странным выглядело то, что этот бродяга ничего не предлагал. При нем не было даже традиционной торбы с образцами товаров или каталогами.

– Спасибо на приятном слове, добрый человек. – Преображенский подозрительно взглянул на руки купца. А не прячет ли он в широких рукавах какой-нибудь сюрприз? Огнестрельный, например. Впрочем, охрана проверяла всех посетителей резонансными сканерами и рентгеном. – Пять минут у нас действительно есть. О чем ты хотел со мной поговорить?

– Не поговорить, князь. – Купец хитро прищурил и без того узенькие глазки. – Есть у Ван Ли один хороший товар. Купи.

– Нет, – Сергей рассмеялся. – Это ты не по адресу обратился. К моему казначею иди, он покупками ведает.

– Хороший товар, – повторил Ван Ли. – Казначею он не пригодится. Тебе продаю. Думаешь, Ван Ли не знает порядка? Торговал бы тканями или пудрой – к казначею бы пошел. Только мой товар – для князя.

– Гоните его в шею, ваша светлость, – буркнул Воротов. – У него даже сумки нет, какой еще товар?

– Не для казначея, – терпеливо пояснил купец. – И не для воеводы тоже.

– Наглый. – Воротов снисходительно усмехнулся. – Давай врацдай суставами, пока охрана не подросла...

– погоди, Ярослав Васильевич. – Сергей чуть подался вперед, внимательно глядя на Ван Ли. – Ты, купец, информацией торгуешь, так?

– Так, так, – часто закивал Ван Ли. – Хорошая информация, верная, точная. И недорого. Десять тысяч.

– С дуба рухнул! – Воевода закатил глаза. – Да это же бешеные деньги!

– Деньги здоровыми и не бывают, – ответил купец. – Они всегда или бешеные, или шальные, или кровавые, или потные...

– Кровные и трудовые, – невольно поправил Воротов.

– Так, так, – снова закивал купец.

– Чего ты киваешь, как китайский болванчик? – Воевода скривился.

– А я и есть китайский. – Ван Ли снова взглянул на князя. – Десять тысяч. Недорого, князь. Хорошая информация. Нужная.

– Откуда ты знаешь, что мне нужно? – Сергей усмехнулся.

– Ван Ли много знает, князь. – Купец погрозил Преображенскому толстеньким пальчиком. – Про девушку с золотыми локонами и глазами словно небо, про заботы ваши, про опасность, про оружие, которого вам не хватает...

– Про девушку? – Сергей замер.

– Про оружие?! – ухватился за свое Воротов. – Так ты про оружие информацию продаешь? Сергей Павлович, может... послушаем?

– Недорого, – снова напомнил Ван Ли. – Только вам продаю. Никто больше не знает и не узнает, если купите.

– Система, казначея! – бросил через плечо Преображенский, и дворцовый компьютер подтвердил прием распоряжения коротким мелодичным звонком. – Присаживайся и рассказывай, купец.

– Денежки... – Ван Ли беспокоило помялся и, как бы нехотя поднявшись на террасу, присел на пластиковый стульчик.

– Ты не на базаре, – оборвал его воевода. – Князь перед тобой, а не торговец. Сказал, будут деньги, значит, будут! Говори!

– Ярослав Васильевич... – Сергей улыбнулся. – Подождем...

Казначей явился через пару минут. Неизвестно, каким чутьем он это учуял, но в его кармане оказалось ровно десять тысяч земных рублей. Князь вручил деньги купцу и приказал казначею удалиться. Придворный взглянул на Ван Ли с нескрываемым подозрением, но ушел к себе в золотые подвалы молча.

– Теперь молись, чтобы она того стоила, – слегка надавил на Ван Ли воевода.

– Стоит, – китаец снова кивнул. – Вектор: Телец – Альдебаран. Дальше... четыре, шестнадцать и семь, пятнадцать – тридцать один, двенадцать и семьдесят четыре, сразу за Гиадами...

– Пиши! – бросил Воротову Сергей. Его внезапно охватило странное предчувствие. Что-то в этом купце было не так. Это князя не то чтобы тревожило, нет, от Ван Ли не веяло какой-либо угрозой, ни явной, ни тайной. В облике и взгляде купца крылось нечто иного рода. Он будто бы нес печать Судьбы. Словно это был не маленький пухлый китаец, а посланник неведомых высших сфер, где известно все о жизни и о смерти, о счастье и горе, о добре и зле...

– Записал. – Воевода отнял лазерное перо от салфетки. – Что это за шпионская шифрограмма?

– Координаты в единой навигационной кодировке, так? – Сергей вопросительно взглянул на китаец, и тот в сотый раз кивнул. – Продолжай, Ван Ли.

– Подойдешь, ориентируясь на источник переменного рентгеновского излучения. Где-то полторы секунды период у того пульсара, и длина волны его излучения где-то пятнадцать сотых этого... нанометра... Там он один такой, не промажешь. Тусклая желтая звезда перед тобой будет. Она тоже переменная, неправильная, но все-таки не какая-нибудь нейтронная, а приличного «солнечного» класса... Вот они с пульсаром вокруг одного центра масс и вращаются. Обычное дело... Да... Система у них бедная: одна неплотная планета да астероиды. Только берегись газопылевого течения, оно там очень сильное. Но если смотреть на планету, его хорошо даже глазом видно – сканеров не надо... Мощное там и магнитное поле. Это тоже учти. Будет на пути и пояс каменный... Ты его обойди. Ну, а там и увидишь...

Купец замолчал, коротко покашливая, словно у него пересохло в глотке. Сергей подал знак слуге, и перед Ван Ли возникла чашка с чаем. Купец благодарно улыбнулся, сделал пару глотков и продолжил:

– Диаметр небольшой, три мегаметра...

– Чего диаметр-то? – не выдержал Воротов. – Планеты?

– Тора.

– При чем тут Тора? – Воевода зажмурился и помотал головой. – Совсем запутал, сказочник!

– Не Тора, а тор, – пояснил купец. – Бублик знаешь? Вот такой бублик там и висит. И дырка в нем, трех тысяч километров в диаметре. А сам он из огня. Только не горит огонь, а течет вдоль тора. Красиво течет, как золотой дым по стеклянной трубе.

– Огонь и не горит? – снова встрял Воротов. – А, ну да, там же космос... Постой, а течет тогда почему? Что за огонь такой текучий? Напалм, пирогель?

– Ярослав, пусть он закончит, – немного рассердился Преображенский.

– Огонь не обычный, странный огонь, – продолжил купец. – Нигде такого больше нет. Ты, князь, его не трогай. Не стреляй и зонды не запускай – не будет толку. А может, и хуже будет. Ван Ли не знает.

Он снова замолчал и приложился к чашке. Пил он долго, неторопливо, так что Сергей даже забеспокоился, собирается ли этот странный китаец продолжать.

– Главное слушай, – выдержав томительную паузу, сказал купец. – Два главных. Первое – неподвижен тор. Неправильно неподвижен...

– Как это? – не понял князь.

– Все движется, – пояснил Ван Ли. – Планеты вокруг Солнца, Галактика вокруг оси, Вселенная расширяется. Красное смещение знаешь? Вот. А этот бублик на месте стоит. Вокруг него все движется, а он стоит.

– Так чего же ты нам координаты диктовал?! – возмутился Воротов. – Подтереться теперь этой салфеткой?

– Это правильные координаты, – спокойно ответил китаец. – Через три дня в них тор окажется. Как раз на траверзе пульсара, рядом с пылевым течением, за астероидным поясом. За три дня туда можно успеть. Даже за два можно. Сегодня нельзя, а за два-три дня можно...

– Другое дело, – буркнул воевода.

– Странно... – Сергей задумчиво потер подбородок. – А «второе главное» что?

– Сам увидишь, когда прилетишь, – купец усмехнулся.

– Нет уж, ты обещал точную информацию, вот и уточняй! – потребовал воевода.

Сергей уже устал от постоянных комментариев Воротова, но в целом был с ним согласен.

– Если внутрь тора заглянешь, звезды увидишь и облака. Только другие звезды и облака другие, не такие, как в небе. Серебром и золотом светятся.

– Что значит «другие звезды»? – Преображенский вопросительно выгнул бровь.

– Вот Млечный Путь, например, скрылся за тором, дальше смотришь – в дырку, – что видишь?

– Продолжение...

– Это ты хочешь его увидеть, а на деле – нет его там. Только с другой стороны бублика он продолжается, а в дырке совсем другие созвездия. Как в окошке. Только не спрашивай, куда окошко выходит. Ван Ли не знает.

– А, понял! Как открытый гиперпортал! – Воевода хлопнул себя по колену. – Угадал?

– Портал разгоняет инертную массу до скорости гиперхода, – возразил китаец. – Только и всего. В него звезды не видно. А чужие звезды совсем не видно. А еще – люди хорошо все места изучили, где порталы строили. Там, как между этими чужими созвездиями, золотые облака не плавают. Нет у нас таких облаков. Пылевые скопления есть, газовые туманности есть. В наличии и туманности светящиеся – флуоресцирующие и поглощающие свет, вроде «угольных мешков» в созвездиях Щита или Змееносца. Галактический субстрат в ядре Галактики есть, и вокруг него тоже – холодный и темный. Глобулы протозвезд есть. Сами звезды самых разных видов имеются, от ярчайших сверхновых до абсолютно черных, нейтронных, от одиночных до двух и более кратных... Шаровые скопления и звездные ассоциации – в ассортименте... Ну и облака тоже есть. Только водородные. С которыми все давно уже понятно. Спектральная линия с длиной волны 21 сантиметр, концентрируются в плоскости Галактики, а проистекают откуда-то из области ее ядра со скоростью в полста километров за одну секунду... Но это совсем не те облака, что за кольцом. Там они гуще, золотые по виду, а что до научных характеристик, то вообще не поймешь, какой у них спектр излучения и есть ли он вообще...

– Занятно... – Сергей потрогал остывшую чашку, и ему тотчас подали другую, полную свежего ароматного кофе. – Странно, неправдоподобно, но занятно.

– А проку? – спросил Воротов. – Слушай, купец, ну, а про оружие-то где информация? Или ты намекаешь, что нам нужно через окно к тем облакам слетать? И где там что искать?

– Важно! – Купец поднял указательный палец. – Неправильный тор. Все движется – он стоит. Огонь течет...

Он опять умолк, и теперь, похоже, совсем. Не спеша допив чай, он встал и поклонился.

– Ван Ли сказал. Идти?

– Иди, – Сергей рассеянно кивнул.

– Жулик! – возмущенно фыркнул воевода. – Десять кусков за какой-то бублик! Намять бы тебе бока!

– Три дня. – Китаец, кланяясь, попятился, затем развернулся и засеменил к выходу с дворцовой территории.

– Три дня, – повторил князь, задумчиво глядя в глубь сада. – Ярослав Васильевич, размяться не желаете?

– Ну-у...

– Авдеева с собой возьмите с первого инфоканала. Пусть он своих лучших операторов мобилизует. Заснимите этот бублик со всех сторон. И огня текучего попробуйте взять пару флажков. К утру соберете экспедицию?

– Соберу.

Было видно, что приказ князя воеводе не слишком по душе, но выполнить его он готов со всем старанием.

– Вот и славно. На строительство я один летаю... Листочек не забудьте.

Воротов аккуратно сложил салфетку с координатами, сунул ее в карман и откланялся.

Сергей проводил его долгим взглядом, а затем наклонился вперед. Перегнувшись через перила террасы, он долго изучал следы на песчаной дорожке, пока не убедился, что среди них нет ни одного похожего на отпечаток копыта. Нет, в действительности он вовсе не ожидал увидеть нечто подобное, но слишком уж странной и нереальной ему казалась встреча с этим пухленьким улыбочивым китайцем. Посланцем не то Судьбы, не то дьявола...

Сергей размышлял над этим весь день, пока бродил по строительным площадкам и выслушивал бодрые рапорты прорабов. Думал об этом почти весь вечер, сидя за столом в шумной компании придворных, празднующих победу над европейскими налетчиками. Преследовали эти мысли его и большую часть ночи.

Никакого рационального объяснения своим тревогам Преображенский не находил. Подумаешь, купец. Мало ли их бродит по планетам? Подумаешь, неизвестное явление природы. В дальнем космосе таких «бубликов» и «плюшек» воз и маленькая тележка. О чем беспокоиться? Пожалуй, только о том, что еще вчера жизнь текла гладко и спокойно, а сегодня она преподносит по пять сюрпризов в минуту и снижать этот темп не собирается. Перемен Сергей никогда не боялся, но предпочитал творить их сам. А тут от него практически ничего не зависело. Наверное, главное беспокойство было вызвано осознанием собственной беспомощности. Не обычной, происходящей от слабости характера – этим князь не страдал, – а беспомощности человека как такового перед волей Провидения, волей Вселенной...

Ближе к утру князь все же заснул и снова увидел недавний сон о путнике, замерзавшем на склоне горы. Сон почему-то начался именно с того момента, на котором прервался, когда Воротов поднял князя по тревоге...

...Путник сделал шаг навстречу золотистому свечению и... Сергей вдруг понял, что именно насторожило его в рассказе Ван Ли. Золотой огонь. Станный золотой огонь, который «неправильно течет» вдоль загадочного тора. Цвет был тем же. Человек – или во сне это был сам Преображенский? – шагнул навстречу свечению, и оно пошло на убыль. Он, пока еще не видя ничего определенного, вытянул перед собой руку и шагнул дальше. Свет потускнел до яркости солнечного дня, и глаза начали различать окружающую обстановку. Она проступала сквозь золотистые отблески, сначала контурами, затем все четче... Высокий купол потолка,

гладкие стены... Довольно большой зал был под завязку набит призрачными людьми. Золотистыми, как и всё вокруг, неподвижными и молчаливыми. Но не каменными истуканами и не спящими стоя часовыми. Люди стояли неподвижно, однако глядя при этом прямо на гостя.

«Путь? Больше похоже на выход из тоннеля... Нет, какой же это выход? – подумалось человеку (Сергей мыслил вместе с героем сна, но видел не его глазами, а как бы со стороны). – Скорее – вход, вот только куда?»

«Все зависит от того, где ты находишься, – казалось, что эту фразу произнесли сразу все неподвижные люди. – Мы ждали тебя»...

– Я... шел... искал... – вслух произнес путник. – Я...

«Считаешь, что ты последний, – мысленно закончили за него молчаливые хозяева пещеры. – Ты пришел, чтобы спастись».

– Я хотел спасти не только себя, но и свой вид...

«Ты пришел рано. Существованию твоего вида ничто не угрожает».

– Но ведь я последний!

«Ты ошибаешься. Вас еще много».

– Нет. Я последний. – Человек упрямо покачал головой. – Это точно. Мой мир рухнул. Все погибли в Катастрофе...

«Ты слишком долго был в пути. Твой мир изменился, но живет. В нем сохранились люди».

– Люди? В мире сингулярного вещества и стазис-энергии? Это невозможно! Нельзя ходить по земле, которой нет, и дышать воздухом из виртуальных энергетических частиц! Даже если эти частицы непостижимым образом стали осязаемыми!

«Все зависит от точки зрения. Когда ты входил в этот зал, тоннель был для тебя входом, теперь он выход... Твой мир погиб, но выжил, видоизменившись. Возможно, для тебя это звучит как парадокс – неважно. Теперь настала пора вплести его нить в ткань Вселенной. Именно поэтому ты не погиб, а дошел. Ты сможешь это сделать. Ты донесешь свое прозрение до выживших. Возвращайся...»

– Вернуться? Но я вам не верю! Я точно знаю, что остался один! Я не хочу доживать свой век в одиночестве!

«Неважно, веришь ты или нет. У тебя все равно нет выбора. Выход открыт. Иди...»

Путник хотел возразить что-то еще, но вернулась прежняя интенсивность золотистого свечения, и он невольно зажмурился. Свет снова стал настолько ярким, что проникал сквозь закрытые веки. Человек прикрыл глаза ладонью и невольно сделал шаг назад...

...Преображенский открыл глаза и судорожно вдохнул. Сердце колотилось, а на лбу выступила испарина. Он сел в кровати и взглянул на часы. Поспать удалось только сорок минут. Да и то, разве это был нормальный сон? Какой-то бредовый кошмар, а не полноценный ночной отдых! Князь встал и подошел к широкому окну.

«Мир погиб, но выжил... Хотел сохранить свой вид... Выход уже открыт... Что это за намеки? И откуда?»

Ни о чем подобном Сергей никогда не слышал даже краем уха. А если не слышал, то откуда эти откровения взялись в подсознании? Ведь сон – это осмысление информации на уровне подкорки. При чем здесь тогда эти загадочные дебаты о рухнувших мирах? И о каком выходе-пути шла речь? Уж не о том ли, что ведет к «другим звездам за облаками»? Гипотеза была почти убедительной. Сергей повертел ее так и эдак и пришел к выводу, что хитрый Ван Ли вполне мог заронить семена подобных размышлений во время беседы на террасе. Как это ему удалось, какими фразами, было отдельным вопросом, но факт искусного словесного программирования или даже гипнотического внушения был налицо. Китаец на самом деле сказал князю гораздо больше, чем услышал тот же Воротов или даже сам Сергей. Этот купец был действительно очень непрым фруктом. Ой каким непрым...

И все же Преображенский был почему-то уверен, что Ван Ли не враг. Да, он действовал нетрадиционно, да, почти обманом, но ведь его внушения каким-то образом стыковались с собственными переживаниями Сергея. Ведь он видел сон о золотистом свечении в пещере задолго до встречи с купцом. Не мог же тот волшебным образом повелевать снами незнакомых людей, да еще на расстоянии. Когда ватага Бородача бомбила Астраханку, китайца не было во дворце и вообще – на Каллисто. Значит, второй сон продолжил первый не по воле купца. Возможно, китаец наполнил их более-менее понятным содержанием, но общий-то фон оставался одним и тем же. Почему? Кем был этот путник и эти молчаливые телепаты? Что за сияние разливалось по той пещере? Как детали странных снов могут быть связаны с явью, в которой Ван Ли рассказал о таком же «золотистом огне»? Или все это бред и лучше выбросить его из головы? А если Воротов действительно найдет «текущий тор»? Что тогда? Начать верить «и снам, и карточным гаданьям, и предсказаниям луны»?

Преображенский поймал себя на мысли, что отчетливо сознает, насколько нелепа ситуация, когда взрослый мужчина вдруг начинает терзаться сомнениями по поводу мистических знаков и знамений, но то ли «программа» купца, то ли необычайная яркость и достоверность «двухсерийного» сна не давали ему успокоиться...

Видимо, эти смутные переживания и подтолкнули Сергея немного опередить события. К моменту возвращения экспедиции Воротова вся княжеская эскадра «Огненный шторм» уже завершила подготовку кораблей к походу...

* * *

... – Фляжку привез? – пожимая воеводе руку, спросил Преображенский.

– Четыре зонда и восемь манипуляторов в баранке этой оставил. – Воротов виновато улыбнулся. – Ну, зрелище, доложу я вам! Таким огнем заградительную артиллерию зарядить, вот был бы салют так салют! Это ж натуральный ластик! Стирает начисто, да все подряд. Даже не по себе как-то.

– А звезды?

– А что – звезды? Вроде нормальные, только из-за облаков не все разглядишь. Да вы еще увидите, мы такое кино отсняли – хоть на премию Географического общества заявку подавай... А как тут? Спокойно? Какие новости?

– Ярослав Васильевич, тебя же всего неделю не было.

– Да? А, ну конечно... Когда далеко улетаешь, кажется, что дома за сутки целый год проходит... Ну что, в кинозал?

– На «Шторме» посмотрю. Теперь моя очередь неизведанного хлебнуть.

– Так я что, зря летал?

– Не зря, воевода. Дал мне время подумать и путь проложил. Теперь второй этап осуществим.

– Сергей Павлович! – Воротов замахал руками. – Нельзя так! Ученых надо туда запустить. Из Академии наук или этого... Астрофизического института. Непонятное же явление! Вдруг это ловушка какая-нибудь? А вы сразу – прыгать!

– Разве я сказал, что собираюсь туда прыгать?

– А то я вас не знаю!

– Идем, я тебе текущие дела передам. – Князь обнял Воротова за плечи и повел в кабинет.

– Я все-таки возражаю, – предпринял последнюю попытку воевода.

– Прости, Ярослав Васильевич, это сильнее меня. Это зов. Знаешь, что это такое?

– Не знаю – что, – Воротов тяжело вздохнул, – но знаю, что такое не лечится...

* * *

«Огненный шторм» шел в походном порядке и в противоположном Европе направлении, поэтому ни один пост космической полиции не задал флагману эскадры никаких вопросов. Ну, решил князь Преображенский, правитель Каллисто, слетать к кому-то в гости с полным эскортом – бывает. Может, свататься полетел или важный договор заключать. В таких случаях следует выглядеть солидно. Семнадцать первоклассных малых рейдеров – как раз то, что нужно. Солиднее некуда. Да и после инцидента с Бородачом, когда Преображенский ответил точным и красивым контрударом, разбив флот и совершенно разорив казну врага, но не угробив при этом ни одного гражданского, Сергея зауважали не только в системе Юпитера, но и в других системах и даже на Земле. Особенно нравилось простым полицейским, солдатам и офицерам то, что князь сам повел десант на штурм.

– Добровольцы, говорит... – провожая взглядом эскадру Преображенского, рассказывал дежурный офицер блокпоста при портале «Ганимед-4» своим товарищам.

– Нет, мой личный взвод, сказал, пойдет без вариантов, а десантная бригада строго добровольно... – выдал свою версию оператор связи. – «Стр-рого», говорит... С таким «р-р»... Суровый мужик, видать, но справедливый.

– А я на Каллисто бывал, – подал голос третий офицер. – Там у них не жизнь, а малина. Гравитацию земную держат, на воздухе тоже не экономят. Тепло, красиво и цены низкие. Четыре года назад с женой туда летал. На этот... курорт... Маня-Лёля.

– Ха, Маня-Лёля! – Связист рассмеялся. – Мауна-Лоа, деревня!

– Это ж где-то на Земле, – удивился первый дежурный. – Вулкан такой.

– Ну да, и Олимп на Земле. – Связист махнул рукой. – А еще на Марсе и на Данае. Темнота вы солдафонская! Дублируются названия – нормальное явление. Где ж на все новые горы-моря красивых имен напасешься? Букв в алфавите всего тридцать три, а у некоторых и вовсе двадцать шесть.

– Ну ты-то у нас профессор! Кислых щей!

– Эй, офицеры, гляньте, а это что за явление природы народу? – Третий дежурный ткнул пальцем в экран наблюдения. – Как будто за «Штормом» следит.

– Детективы поменьше читай, – посоветовал первый.

– Нет, ну сам посмотри... А вон еще один... Ого! Да не один! Четыре... шесть... вос... девять! Прилично... И очень даже подозрительно.

– Сообщу-ка я в штаб, – решил оператор связи. – Не нравится мне эта порталная гиперактивность... Чьи это шпионские корыта?

– О! Компьютер выдает – европейцы. Может, врет? Может, не в тот файл заглянул?

– Компьютеры не врут, а ошибаются, – исправил связист, – но только не в данном конкретном случае... Вот, так я и знал! Косвенное подтверждение от порталного навигатора. Знаете, куда прыгнули эти шпионы?

– Следом за Преображенским? – предположил первый офицер.

– Так точно! А знаете, куда прыгнул «Огненный шторм»?

– Куда?

– Никуда! То есть «по свободному маршруту»!

– Неделию назад Воротов так же прыгал, как раз в наше дежурство, – припомнил третий офицер.

– Тебе бы на Земле сыщиком работать, – похвалил связист.

– Да-а, – задумчиво протянул первый офицер. – Нашим штабом тут не обойдешься. Знаешь что, Гена, вызови-ка ты штаб «Беркута» заодно.

– Думаешь, все так плохо?

- Лучше уж перестраховаться, чем за недостаточную бдительность рядовым улицы патрулировать.
- Если на Каллисто, то ничего, – усмехнулся связист.
- Рядовым везде плохо...

* * *

Рубеж, как экипажи «Огненного шторма» успели окрестить сверкающий неведомым пламенем тор, должен был продырявить газового гиганта и сейчас только-только выплывать из его атмосферы с противоположной стороны. Так говорили расчеты. Однако загадочное кольцо каким-то непостижимым образом уклонилось от столкновения с планетой и сверкало золотом прямо перед ней, закрывая своей «дырой» почти половину этого местного «Юпитера». Конечно, так только казалось – корабли эскадры подошли слишком близко, – но все равно впечатление от увиденного было достаточно сильным. Полумесяц косматой планеты, внутренний край которого очерчен золотым кантом Рубежа, черный провал и незнакомые звезды в сверкающей дымке на том месте, где положено располагаться недостающему куску газового тела, – все это впечатляло, но казалось нереальным.

Сергей смотрел на завораживающую картину не отрываясь, и в его голове роились беспокойные мысли.

«Прыгнуть точно в центр? А если это блеф? Если, пройдя сквозь кольцо, просто воткнешься в планету? Быть может, стоит подождать, пока тор отойдет чуть дальше, и рассмотреть его с обратной стороны? Бессмысленно. Судя по съемкам Воротова, с той стороны Рубеж выглядит точно так же. И звезды в его просвете ориентированы одинаково, как ни посмотри. Загадочно это, но все же доказывает, что через кольцо нет обычного сквозного прохода. Или есть? Послать зонд? Пожалуй, надо...»

– Горохов, телезонд к запуску. – Князь обернулся к корректировщику. – Горохов!

– Я, ваша светлость! Виноват, засмотрелся. Телезонд... минутная готовность!

– Ваша светлость! – В рубку заглянул встревоженный оператор связи. К его губам прилипли крошки, а в руке он сжимал недожеванный бутерброд. – «Молния» от тылового охранения... Девять целей!

– Так прямо и целей? – усомнился Преображенский. – Может, просто караван? Или Академия наук спешит на помощь?

– Тогда уж Военная академия, причем европейская. – Связист перехватил взгляд князя и вытер губы рукавом. – Это крейсеры Ударного флота Европы.

– Крейсеры? – Сергей озадачился. – Ловко. Как же они нас выследили?

– Важнее вопрос, как от них отбиться, – встрял Горох. – Девять крейсеров – это прилично.

Ударные крейсеры по всем характеристикам превосходили малые рейдеры втрое, а то и более. Их вооружение было мощнее, защита эффективнее, а маневренность оставалась на том же уровне. Успей Бородач вывести Ударный флот на орбиту Европы во время недавней контратаки Преображенского, еще неизвестно, чем бы она завершилась. Хотя там на князя Каллисто работал другой фактор – к месту конфликта спешили «беркуты», и рисковать крейсерами Бородачу не имело смысла. Теперь дело обстояло иначе. Девять «танков» против семнадцати «бронетранспортеров», и никаких разводящих. Если принять бой, шансы на успех у «Огненного шторма» будут сомнительными. Если уйти, Рубеж достанется Бородачу, и что из этого получится, вообще неясно. В любом случае – ничего хорошего. Значит, следовало искать другой выход.

– Зонд пошел, – доложил Горох. – Вижу картинку... Ваша светлость! Есть телеметрия! Он там, за Рубежом!

– Покажи, – Сергей обратил взор на экран.

Телезонд транслировал устойчивую картинку незнакомых созвездий, только теперь они были повсюду, и среди них – правда, не слишком близко – плавали какие-то клочковатые золотистые облака. Камеры зонда передали задний вид, и Преображенский невольно выдохнул – все предыдущие тридцать секунд он задерживал воздух в легких – позади зонда сверкало точно такое же кольцо, в просвете которого сияли звезды. Наши звезды. А еще дрейфовали семнадцать красных огоньков. Это были носовые прожекторы рейдеров.

– О, это же мы! – воскликнул Горох.

– Приказ всем кораблям, – Сергей невольно вытер о брюки взмокшую ладонь, – прыжок в кольцо атакующим порядком! Тыловое охранение – следить за крейсерами... если дернутся, открывайте заградительный огонь. На той стороне Рубежа разворачиваемся в оборонительный строй и ждем тылы.

– Передано, – доложил из-за своего пульта связист. Куда он подевал бутерброд, Сергей не заметил. Наверное, сунул в карман.

– Э-эх, – весело изрек Горох, – где наша не пропадала!

– Зонд вернуть не забудь.

– Там подберу!..

* * *

Первые минуты в чужом пространстве были напряженными, но не потому, что вокруг развернулась новая, непривычная бездна, а потому, что все ждали реакции крейсеров. Капитаны европейских кораблей рисковать не спешили. Они даже не попытались обрубить эскадре хвосты, то есть позволили уйти без боя рейдерам тылового охранения. Воссоединившись, эскадра еще долгих полчаса висела напротив кольца, готовая в любую минуту открыть огонь по всякому, кто сунется сквозь Рубеж, но европейцы так и не появились. Возможно, преследователями командовал кто-то менее безрассудный, нежели Бородач. Хотя Преображенский вполне допускал, что крейсера привел сам князь Европы, но зрелище сверкающего Рубежа его настолько поразило, что он немного поостыл и даже изменил своей привычке действовать без долгих размышлений.

Как бы то ни было, Сергею вскоре надоело пялиться на родное пространство сквозь золотое «окошко», и он переключил внимание на новый мир. Вернее, на показания бортовых приборов. То, как видели окружающее пространство машины, было сейчас гораздо важнее личных впечатлений.

– Очень даже логично, – Преображенский постучал согнутым пальцем по экрану компьютера.

– Дрейфят, – согласно кивая, сказал Горох. – Лезть через дырку на кинжальный огонь даже крейсерам не по нраву.

– Я о другом, – пояснил князь. – Машина утверждает, что эти облака из того же теста, что и бублик, только более разрезанные. Чистейшая энергия. Причем это не перманентно текущая термоядерная реакция, как на Солнце, видимая нам во всей красе, а как бы ее продукт. Только застывший по какой-то причине в виде облаков, вместо того чтобы разлететься плазмой и всякими там фотонами в разные стороны. Эта энергия висит, как будто так и надо, и лететь никуда не спешит.

– А-а, вы об этом, – канонир бросил взгляд на обзорный экран. – Да, облака чем-то похожи на бублик. Только там они свободно плавают, а тут скатались... Ну, как эти... комочки на дешевых шерстяных штанах. Вот только что их так закатало, если они из чистой энергии?

– Какое-нибудь гравитационное течение, – предположил оператор связи. – Или еще что...

– А дыру кто провертел? – Сергей усмехнулся. – И вообще, куда мы забрались?

– К черту на рога, – хмыкнул Горох.

– Это слишком обобщенно, хотелось бы выяснить конкретнее. – Преображенский немного поколдовал над навигационным блоком компьютера. – И о феномене этом тоже хотелось бы подробнее узнать. Что здесь взорвалось и почему вся эта уйма гигаватт энергии не разлетелась по Вселенной? Как и для чего потребовалось сгущать эти энергофронты? Ведь молний в этих тучах упрятано... на такую грозу хватит, что только держись...

– ...подальше, – закончил Горох.

– Верно, – согласился князь. – Будет лучше держаться от них подальше. Вот только как, если они повсюду?

– Так уж и повсюду? Вон там, например, почти чисто... Звезду видно как на ладони.

Сергей навел сканеры на «чистый» участок пространства. Звезда была достаточно близко – на один короткий прыжок, – а спектральный класс внушал надежду, что если вокруг нее вращаются планеты, то хотя бы одна из них вполне может оказаться пригодной для посадки. А возможно, и обитаемой. Хотя какие тут могли проживать обитатели – вопрос был еще тот. Чужое пространство, чужие звезды, непонятные законы мироздания...

– Что мы теряем? – Сергей ввел в навигатор команду рассчитать курс и передать маршрутную карту на другие рейдеры. – От такого приглашения грех отказываться.

– Заманчивое, конечно, приглашение, – пробурчал Горох. – Только слишком уж откровенное. На сыр похоже... в мышеловке.

– Твои предложения? – не оборачиваясь, бросил князь. – Повисеть на траверзе бублика и вернуться?

– Там крейсера. – Корректировщик вздохнул. – А тут скучно. Прыгать надо.

– Вот и я о том же. – Преображенский тронул сенсор «ввод». – Эскадра, прыжок, ордер – походный...

ГЛАВА 3

Апрель 2323 г. Семри

Планеты вокруг звезды были. Три достаточно плотные, а две из них даже с насыщенной атмосферой и на нормальном, почти «земном» удалении от светила. Остальные либо газовые, либо ледяные, со множеством спутников и в подозрительном ореоле золотистого свечения. Облака плавали и здесь, внутри системы, но были они мелкими и располагались в основном далеко от центра.

Первая «плотная» планета почти купалась в короне звезды, и обследовать ее смысла не было. Зато вторая и третья – почти рядом друг с другом, не больше миллиона километров – выглядели весьма привлекательно.

– Земля Землей, – сделал вывод Горох. – Особенно та, что поближе.

– К нам или к Солнцу?

– К нам. Атмосфера, моря, суша... Зелени только маловато.

– Ваша светлость, мы на орбите, разрешите начать изучение? – Оператор связи включил увеличение телесистем, и по главному экрану рейдера поплыл пейзаж.

– Нет, ну действительно похожа! – воскликнул Горох. – Леса, реки, воздух почти нормальный... Чудеса, да и только! А вы говорите – чужой мир! Какой же он чужой? Мы еще и людей тут встретим человеческих, вот увидите.

– «Человеческие люди» – это будет уже чересчур, – усомнился Преображенский. – Как ни крути, далековато отсюда до Земли.

– Черт! Что это?! – вдруг вырвалось у связиста.

– Похоже на войну, – осторожно предположил канонир. – Вот, ваша светлость, что я говорил?

Преображенский не верил глазам. То, что творилось на поверхности планеты, он видел в своей жизни не раз и не два. С орбиты все наземные сражения выглядели примерно одинаково. Примерно так же, как и сейчас.

– Снижаемся. Зависнем на высоте десять километров. Телесистемы на предельное увеличение, аудиоуловители в плотных слоях – на максимум!

– Собыют еще, – предостерег Горох. – Вон как сверкает... Пушки у них не кривые. Могут и в зенит лупануть. Для профилактики.

– Это твоя забота, – отрезал князь. – Мне нужна полная информация.

– Визуальная картинка еще ладно, но звук-то зачем? Эти аборигены наверняка чирикают или воют на все лады.

– С чего ты взял?

– Ну, не по-русски же им говорить!

– Я уже ничему не удивлюсь...

* * *

...– Великий Сунджа тебе судья, стратег Ергелан. – Советник Конта поклонился достаточно низко, чтобы его не заподозрили в непочтении, но все же не настолько, чтобы уронить собственное достоинство.

Стратег небрежно махнул рукой и снова взглянул на карту. На подробном плоском макете отчетливо выделялись позиции противника. Они были обозначены красным. Позиции войск Ергелана были синими. В общем-то цвет являлся единственным отличием, но вражеские линии обороны бросались в глаза и раздражали стратега, а обозначения окопов доблестной силеман

и – тяжелой пехоты, опоры Ергеланова войска – навевали уныние. Позиционная война длилась уже год. Враги были окружены, лишены связи с тыловыми службами и вообще с кем бы то ни было, но сдаваться не собирались. Шесть силовых крепостей по рукам и ногам связывали доблестное войско, серьезно задерживая его продвижение в глубь континента. А без поддержки силемании все рейды и высадки десанта были бессмысленны. При высадках неповоротливые десантные корабли были слишком удобными мишенями для вражеских сил ПВО и могли садиться лишь на отвоеванном год назад плацдарме, а наскоки штурмовиков пресекались противником еще на первой линии глубоко эшелонированной обороны. Совместить наступление пехоты и прорыв штурмовых эскадрилий к системам противовоздушной обороны противника у Ергелана никак не получалось. В густых лесах даже двухместные мини-машины становились слишком громоздкими, а пешие марши всегда обрывались на сплошных энергополях. Можно было, конечно, выжечь все леса, а генераторы полей расстрелять прямо с орбиты из лучеметов коврового уничтожения, но тогда главный континент мог превратиться в обугленную равнину, и проку в такой планете было бы мало. Сырьевых приделков Тирании хватало и без Семри. Главная же ценность именно этой планеты заключалась в чудесном климате и множестве райских уголков. Воевать в раю следовало с максимальной осторожностью. Так требовал Великий Чин, и послушаться его Ергелан не смел.

Отправляя стратега в поход против Семри, Тиран Чин, помазанник Великого Сунджи и полновластный Правитель Ста планет, оказал ему великую честь и огромное доверие. И правитель, и его лучший военачальник хорошо понимали, что взять упрямую планету с наскока не выйдет, но ни тот ни другой не подозревали, что кампания затянется на целый год. Время уходило, словно вода в песок великой пустыни Каралл. А вместе с ним истощались и терпение Тирана, и боевой дух солдат, и вера советников в своего полководца. Семряне дрались отчаянно и умело. Все их стратегические объекты были надежно укрыты силовыми куполами, а вспомогательные производства спрятаны под каменистую почву многочисленных горных хребтов. Славное оружие чинидов было бессильно против оборонительных систем противника, а военные хитрости и подкуп до сих пор не срабатывали. Семряне не сдавались и не продавались, что было вдвойне удивительно и тревожно. Не разобравшись в психологии противника, сложно было и воевать, и планировать...

– Террор, – повторил свою недавнюю мысль Ергелан, – это все, что нам остается. Иначе мы не выманит этих крыс из-под куполов.

– Силовыми щитами прикрыты почти все населенные пункты и фабрики. – Советник в сомнении покачал головой. – Кого вы собираетесь терроризировать? Мирного населения в нашей власти практически нет. Два десятка купцов и безродных бродяг.

– А еще тридцать тысяч пленных, – напомнил стратег. – Мы можем использовать их в качестве разменной монеты.

– Пленных? – Конта удивленно взглянул на полководца. – Но ведь это не по правилам. К тому же пленные работают в копах. Они очень хорошо работают, в сравнении с ними рудокопы с любой другой планеты просто лентяи. И потом, не забывайте, что в плену у технократов томится примерно столько же наших собственных солдат. Не вызовет ли наш... жест ответной реакции?

– Что же остается? Я не могу применить тяжелые разрушители, чтобы покончить с этими очагами смуты. Великий Тиран требует, чтобы мы взяли Семри с минимальным ущербом для ее экологии и сырьевых баз; такой богатой и комфортной планеты нет нигде во всей Тирании, ни в одной системе... Я не могу просить и дополнительные силы, поскольку их у меня и так в избытке. Но эффект нулевой. Что нам остается? Скажи, если знаешь! – Стратег немного подумал и исправился: – Что мне остается? Только отступить от кодекса ведения войны.

– Это проступок, – с осуждением произнес советник.

– Во имя Тирании, – возразил стратег. – Кодекс не может предусмотреть особые случаи, а мы имеем дело как раз с такой ситуацией.

– Все равно, – Конта покачал седой головой. – Плох кодекс или нет, не важно. Главное – соблюдается ли он. Если от буквы закона отойдет стратег, армия сделает это вслед за ним. В нашей армии собраны воины тысяч народов с семидесяти планет. Единственное, что сдерживает их низменные инстинкты, – дисциплина, опирающаяся на букву закона. Если не будет закона, не будет дисциплины, и вместо миллионного войска мы получим столпотворение вооруженных существ, из которых лишь десять процентов чиниды, то есть цивилизованные и сдержанные воины. Все остальные, если говорить откровенно, сброд. Вы готовы командовать толпой распоясавшихся головорезов? Едва они почувствуют душок нечестной игры, такое превращение произойдет мгновенно.

– У меня нет выхода. – Ергелан упрямо наклонил голову. – Мы пришли сюда победить, и мы победим. Не важно – честно или нет. А тех, кто возомнит себя свободным от дисциплины, мы сдерживать не станем. Пусть покажут себя. Картина террора без озверевшей солдатни не будет убедительной. Мы можем их даже наградить за проявленную инициативу, но по возвращении в Тиранию расстреляем прямо перед строем.

– Воля ваша, но это очень опасная затея.

– Ты знаешь другой способ выиграть эту войну?

– Нет.

– Тогда оставь свои сомнения при себе!

Советник поклонился и вышел из шатра. Его мало беспокоила судьба пленных. Тревожило советника другое. Террор, благословенный самим стратегом, вел в тупик. Технократов этим не запугать и тем более не победить. А вот полностью разрушить и без того шаткую дисциплину в собственной армии можно в два счета. Однако Конта действительно не видел иного выхода. Против силовых крепостей оружие чинидов было неэффективно. Технократия Роммы, государства, состоящего всего лишь из десятка планет, разбросанных по трем звездным системам, оказалась костью в глотке даже такого монстра, как Тирания Чин. Технократы были настолько изобретательны и продвинуты по части всевозможных научных достижений, что об их форпосты разбивались самые могучие волны чинидских армий. Семри располагалась на границе пространств Технократии и Тирании, и вокруг нее всегда была напряженная обстановка. Когда же Великий Чин решил прибрать к рукам часть колоний Технократии, его непобедимая армия споткнулась о первый же камень. Семри оказалась прекрасно укрепленным и подготовленным к длительной осаде объектом. Запасы межзвездной энергии на ней были просто фантастические, а технологии оборонительных систем настолько совершенными, что никакие ухищрения не помогли чинидам взять Семри даже в результате длительной осады. Тиран требовал победы, Ергелан бросал на штурм крепостей новые войска, но безрезультатно. Командующий оборонительным корпусом Семри Главный инженер Кноптус даже пару раз нагло предлагал чинидам сдаться.

Конта заложил руки за спину и прошел на обзорную площадку. Отсюда было хорошо видно линию фронта, а несколько увеличительных приборов были настроены на ее наиболее напряженные участки. Советник взглянул на экран одного из приборов. Сотники под прикрытием высоких валов выстраивали конвой. Расстрелять пленных на глазах у технократов было сильной затеей. Это бесспорно. Только бесполезной. Психологически технократы были очень и очень устойчивы. Жизнь в окружении машин серьезно изменила их мировосприятие. Она, конечно, не сделала их бездушными, но впечатлительности поубавила до самого минимума. Особенно бесстрастными были операторы боевых компьютеров. Они видели все происходящее как объемный компьютерный фильм. Виртуальная реальность была для них истинной, а все, чем жили обычные люди, – жалкой эмуляцией. Технократия развивалась по своим законам в мире, которого, если задуматься, и не существовало...

Вот если бы найти способ лишить этих человеко-роботов энергии для их виртуального мироздания... Но как это сделать, если все пространство пронизано энергией, словно дождевыми струями? Просто протягивай руку и бери... Вернее – подгоняй танкер, раскрывай магнитозахваты его трюма, отрезай силовым полем нужный участок энергетического облака, смыкай створки и лети обратно. Процедура, освоенная энергетиками давным-давно. А уж в пункте разгрузки все еще проще. Теми же силовыми полями разрезать энергетическую субстанцию на приемлемые порции и загрузить в принимающие силовые емкости различных конвертеров, орудийных накопителей, питающих электростанций, корабельных и машинных энергобаков...

Лишить противника энергии – мечта, похожая на глупость. Все равно что изолировать рыбу от воды или птицу от неба. Энергия пространства была повсюду, иногда она даже спускалась на поверхность планет. В этих случаях, правда, все живое на планетах погибало, но поговаривали, что технократы умудрились справиться и с этой проблемой. Они разворачивали вокруг планет силовые орбиты. Правда, пока только вокруг небольших и в качестве эксперимента, но Конта хорошо знал, что в Технократии никогда ничего не бросали на полпути. Раз были проведены эксперименты, значит, скоро будет и результат. И это было вдвойне нехорошо. Ведь орбитальные силовые поля могли защитить планету не только от шальных энергооблаков, но и от более весомых предметов. Например, от нежелательных кораблей. В таком случае ставилось под сомнение не только продвижение Тирании в глубь соседних территорий. Могла рухнуть вся политика Чина. Ведь это была политика непрерывной экспансии...

Нет, все эти размышления бесплодны. Конта снова бросил взгляд на экран. Конвоиры выводили на вершину вала первую цепь пленных. Связанные солдаты технократов, похоже, надеялись, что их привели для обмена, и шли покорно, даже охотно. Они выбирались на бруствер и выстраивались ровными шеренгами, а в спины им смотрели стволы чинидов...

Оружие. Вот что требовалось Тирании. Эффективное, мощное оружие, против которого не смогли бы устоять ни силовые купола, ни горные хребты, в недрах которых прятались лаборатории и компьютерные центры технократов. Не гигантские лучевые пушки вроде «Мора» – сооружения, при желании способного продырявить небольшой спутник, а что-то более рациональное. Такие проекты, как «Мор», стоили невообразимо дорого и были крайне громоздки и нетранспортабельны. Даже в распоряжении технократов имелось всего два образца этого монстра. Один был смонтирован на большей из лун Роммы и предназначался для обороны столицы. Другой защищал крупнейшую перевалочную базу Технократии Сетту. Таскать такую пушку по Галактике в качестве осадного орудия было невозможно – для этого ее пришлось бы разбирать, перевозить по частям, затем снова собирать, настраивать...

Чинидский проект «Таран» тоже себя не оправдал. Военные инженеры Тирании пытались приспособить для штурмовых целей танкеры. С раскрытыми «цветками» силовых трюмов они были способны толкать впереди себя некоторое количество межзвездной энергетической субстанции. Но войти в атмосферу с раскрытыми «зевами» они не могли, и все энергетические бомбы просто зависали на границе стратосферы.

Оставалось сбрасывать контейнеры с энергией, но и такая бомбардировка была малоэффективна. Субстанция детонировала редко – один контейнер из десяти, – и зона поражения оказывалась небольшой. При контакте с поверхностью планеты энергия почему-то предпочитала распространяться не в стороны, а в землю. После взрыва на месте детонации контейнера долго нельзя было стоять без резиновой обуви, но место это обычно имело не больше ста шагов в диаметре.

В общем, даже при переизбытке дармовой энергии создать что-либо стоящее не удавалось ни чинидам, ни технократам. Развитие систем обороны опережало развитие вооружений на корпус, и Конта не знал, как можно исправить эту ситуацию...

Конвоиры развязали пленным руки и приказали идти к куполу технократов. Пленники шли медленно, недоверчиво оглядываясь, но, когда пройденный путь превысил оставшийся,

большинство солдат побежали. И тут же полыхнул залп чинидов. Огонь был ураганным, и никто из пленных не успел залечь. Все закончилось в считанные секунды.

Со стороны купола не последовало никакой реакции. Советник покачал головой. Этого он и ожидал. Конвой вывел на бруствер вторую линию пленников, но теперь они отчаянно сопротивлялись, и некоторым даже удалось вырваться, но путь к бегству был только один – через поле к куполу. Вторую партию пленников выводили не коренные чиниды, а легионеры с планеты Крааг – неприятные типы, традиционно затачивающие зубы по форме звериных клыков. Когда они улыбались, жутковато становилось даже их союзникам. На противников это действовало тем более устрашающе. Конта знал, что эта особенность краагенов была не просто данью экзотической моде...

Один из пленников сумел освободиться от пут и крепко засветил ближайшему охраннику кулаком по физиономии. Воин пошатнулся, и пленный вырвал из его рук лучемет. Перемахнув через бруствер, он сделал несколько беспорядочных выстрелов и побежал. Этого солдата учили довольно неплохо... Но краагены были не хуже. Двое – один из них обезоруженный охранник – рискованно выбрались на поле и побежали за пленным. Они были здоровыми, сытыми и сильными, а беглец едва держался на ногах. Ему не помогли ни винтовка, ни боевые навыки. Первый крааген бросился ему под ноги, а второй выбил оружие. Беглец упал, затем поднялся на колени, и тут опозоренный охранник показал истинное лицо своего народа. Он схватил пленника за волосы, запрокинул ему голову назад и впился острыми зубами в горло. Во все стороны брызнула кровь, и тело бегльца задергалось в конвульсиях, но краагены держали крепко. Вооруженный – за ноги, а его напарник за голову. Причем он не просто держал беглеца, дожидаясь, когда тот истечет кровью, апил его кровью... Когда пленник затих, крааген небрежно бросил его тело на землю, поднял оружие, отряхнул колени и в несколько прыжков скрылся за земляным валом. Второй добежал туда секундой позже.

И снова со стороны купола не последовало никакой реакции. Зато пленные просто обезумели. Они заметались вдоль вала, и охрана открыла пальбу прямо во рву.

Третью партию вывести не удалось. Их расстреляли за сто шагов до вала и после вытолкали тела на поле парой саперных бульдозеров...

Советник Конта развернулся и пошел от площадки к своему шатру. Все это было бессмысленно. Боевые операторы под куполом так и не отреагировали. Возможно, это вообще были не люди, а машины. Воевать с таким врагом бесперспективно. Его следовало просто уничтожить. Расплавить непрерывным лучевым огнем все эти горы, выжечь леса и степи, испарить реки, озера, моря и уйти... Это будет не победа, но хороший урок Технократии. Только так.

Принимать такие решения мог лишь Чин, но Конта был уверен, что сумеет убедить властителя. Рано или поздно. Сам или с помощью Великого Сунджи, да святится имя его... Советник молитвенно провел ладонью по лицу и обратил смиренный взор к небесам...

* * *

– Нет, вы видели? – Горох оторвал изумленный взгляд от экрана. – Зверье!

– Что ты о них знаешь? – Преображенский покачал головой. – Чужая планета, чужая культура...

– Это, что ли, культура? Расстреливать людей и глотки им грызть?

– На нас смотрит... – пробормотал связист. – Засек, гад.

– Кто смотрит?

– А вон тот, в балахоне, около шатра.

– Начальник, наверное. Насладился расправой и пошел обедать, да перед столовой притормозил, чтобы помолиться, – предположил Горох. – Жахнем по нему, пока тревогу не объявил?

– Поздно. – Связист указал на тактический экран. – Местные с тыла заходят.

На экране вырисовывалась неутешительная картина. На «Огненный шторм» двигалась крупная эскадра грозного вида кораблей. Испытывать, насколько крепка их броня и сильны пушки, Преображенскому не хотелось. Какого бы рода ни был местный конфликт, он был внутренним делом аборигенов. Ввязываться в него на чьей-либо стороне князь не собирался.

– Садимся.

– Куда?

– Вон там, похоже, космодром.

– А если они нас тоже вот так – в поле выведут и глотки перегрызут?

– Тогда будем драться. Но сначала попробуем договориться.

– На каком языке? – Горох нахмурился. – Я, кроме русского, только матюгами без словаря владею.

– Там разберемся...

* * *

– Приветствую тебя, благородный воин. – Конта внимательно оглядел рослого и крепкого пришельца.

Таких высоких, мускулистых и загорелых солдат не было ни в одной бригаде легиона. Не был воин и чинидом – его выразительные округлые глаза были небесно-голубыми, а волосы пепельными. Светловолосые люди встречались в Технократии, но форма кораблей, да и одежда воина говорили о том, что этот отряд прибыл не с Роммы.

За спиной воина показались еще двое. Такие же высокие и крепкие. Один из них – не просто крепкий, а очень даже упитанный – имел рыжеватые волосы и смотрел на советника нахальными зелеными глазами. Другой, с удивительно смуглой кожей и темными курчавыми волосами, вел себя более подобающе, но все равно в его взгляде тоже не было никакого почтения. Советник даже растерялся. Нигде в Тирании он не встречал никого похожего на этих людей.

Вдобавок ко всему эти незнакомцы не понимали ни единого слова советника, хотя он говорил на универсальном языке, который был в ходу во всех мирах, даже в Технократии. Конта еще раз окинул неизвестных внимательным взглядом и обнаружил, что к поясу первого воина прикреплено на один предмет больше, чем у двух других, да и одежда отличается лучшим покроем и качеством необычной ткани. Чем-то она напоминала покрытие скафандра, но была более эластичной и не сковывала движения. Советник вернулся к предметам на поясе пришельца. Слева длинный жесткий чехол и рукоятка ножа. Ага, значит, все-таки воин. Справа – что-то странное, но сто к одному – тоже оружие. Возможно, небольшой лучемет.

Воин разглядывал советника с не меньшим любопытством и так же, как двое его спутников, без всякого почтения. Словно слугу на невольничьем рынке. Конте это не понравилось, но до поры до времени он решил не обижаться.

– Приветствую вас, воины, на территории Великой Тирании Чин, – медленно, с расстановкой повторил Конта...

...– Чин, – буркнул Горох. – Говорил я вам, Сергей Павлович, ничего мы не поймем из их чириканья.

– Он здороваётся, – возразил князь. – Здравствуйте, уважаемый... Я князь Преображенский, с планеты Каллисто, вольного княжества Юпитерианского сектора Солнечной системы.

– Ни фига он не понял, – изучая реакцию аборигена, заключил Горох. – Тощие они все тут и мелкие, как пигменты.

– Пигмеи, – поправил связист.

– Карлы лилипутские, – развил мысль канонир. – Мясом их не кормят, что ли? Только кровушку хлещут да травой закусывают?

– Тихо, – оборвал его князь. – Он снова говорит. Слушайте...

...– От имени верховной власти Тирании смею выразить надежду, что вы прибыли к нам с миссией мира? – Теперь Конта смотрел только на светловолосого. Было ясно, что он главный. – В этом случае приглашаю стать нашими гостями...

...– Толмача бы... – Горох почесал в затылке. – Вот что он тут пробубнил? Может, уже приговор зачитал?

– Гостями нас объявил, – неожиданно для самого себя выдал связист.

– А ты откуда знаешь? – удивился корректировщик. – Уже язык усвоил?

– Мозги встряхни, – оператор усмехнулся. – Он же почти понятно выражается.

– Мы согласны стать вашими гостями, – не обращая внимания на перепалку подчиненных, сказал Сергей. – Надеюсь, это станет первым шагом на пути установления между нашими государствами дружеских отношений...

...Конта с удивлением выслушал ответ незнакомца. Говорил светловолосый гигант на странном, незнакомом языке, но советник отлично понимал смысл сказанного. С таким явлением он сталкивался впервые.

– Думаю, то, что, говоря на разных языках, мы понимаем друг друга, является хорошим знаком, – собираясь с мыслями, произнес он.

– Я тоже так думаю, – согласился Преображенский. – Хотя, как и вы, этим немало удивлен.

– Так, значит, вы прилетели не из Технократии? – Конта по-прежнему говорил медленно, тщательно подбирая слова попроще.

– Пожалуй, нет, – князь улыбнулся. – Назвать наше общество технократическим трудно. В нашем мире очень много независимых государств, объединяемых центральной властью в содружество.

– Вы представляете центральную власть?

– Нет, я правитель одной из планет, близких к центру.

– Правитель... – Конта почтительно склонил голову. – Для меня честь приветствовать вас в Тирании. Я Конта, советник Великого Тирана Чин. По счастливому стечению обстоятельств я оказался на этой планете с военной инспекцией.

– Вы ведете здесь войну?

– Это усмирение бунта. В Тирании более сотни обитаемых планет, и на некоторых, случается, вспыхивают волнения. Как Правитель, вы меня наверняка понимаете.

– Понимаю. – Сергей не стал уточнять, что расправы над пленными на земных планетах не относятся к методам усмирения. С точки зрения землян, это был скорее террор.

– А не будет ли с моей стороны дерзким спросить о цели вашего визита в пространство Тирании, Правитель?

– Мы прилетели с исследовательской целью. Дело в том, что наша родина лежит очень далеко отсюда. Возможно, в миллионах световых лет.

– Вы преодолели миллионы световых лет на этих кораблях? – Советник удивленно взглянул на семнадцать изящных силуэтов. Машины гостей выглядели внушительно, однако не настолько, чтобы поверить, что они сумели пройти такое расстояние. Даже если прыгали через естественные внепространственные червоточины, как это делали корабли чинидов или технократов.

В душе Конты зародилось странное чувство. Подозрение, недоверие и надежда. Они сплелись воедино и превратились в предчувствие удачи. Если пришелец не лгал, если эти рослые незнакомцы действительно настолько могущественны, возможно, у них есть то, что нужно

Тирании? Советник лихорадочно придумывал, как бы подвести разговор к теме вооружений, а между тем, чтобы не затягивать паузу, широким жестом указал на свой шатер.

– Прошу вас пройти в мое скромное временное жилище и разделить со мной трапезу.

Горох скривился и хотел что-то сказать, но его одернул связист. Князь этого не видел, поскольку без возражений двинулся за советником.

– Накормят сейчас какой-нибудь человечинной, за неделю не отдрищемся! – возмущенно прошипел Горох.

– А ты не ешь, только делай вид, – так же шепотом посоветовал оператор. – Или на фрукты налегай.

– А откуда я знаю, что тут за фрукты? Может, они на нас подействуют как белена?

– Да такие же они – люди.

– Люди людям рознь, – многозначительно ответил Горох. – У нас тоже люди есть, на Земле, которые червяков лопают за милую душу. Или рыбу протухшую.

– Шагай! Нельзя князя из поля зрения выпускать. Вдруг чего...

– Пусть только дернутся! Таких дырок в них наделаю – родные мамы не узнают!

* * *

– Великий Князь обладает большой силой! – выслушав краткий экскурс Преображенского, сделал вывод Конта. – Тиран Чин тоже очень могуществен. Он властвует над ста планетами в тридцати семи системах двух галактик. И его владения ширятся с каждым днем.

Заявление произвело на светловолосого князя гораздо меньший эффект, чем ожидал советник. Пришелец лишь вежливо кивнул. Как могла не впечатлить такая информация, Конта не понимал. На мгновение он даже пожалел, что взялся за столь сложное дело, как переговоры с чужаками. При дворе Чина на этот случай был создан целый Совет. В нем заседали самые опытные дипломаты из самых продвинутых в подобных вопросах миров. Советник украдкой взглянул на полог шатра. Стратег Ергелан задерживался, хотя Конта еще до начала беседы с князем отослал к нему слугу с известием о чрезвычайно важном событии.

– Мы не ставим перед собой цели расширить владения. Мы стараемся укрепить свое содружество и обеспечить людям хорошую жизнь, – сказал Сергей.

– Но ведь это взаимосвязано, – возразил советник. – Чем сильнее государство, тем лучше живется людям. Объединенные под началом сильного правителя миры не воюют, в них процветают торговля, ремесла, развиваются технологии... А если каждый живет сам по себе, по своим законам, конфликты неизбежны. А когда государства воюют, им не до развития. Процветает разве что военная отрасль.

– Необязательно. – Преображенский в целом был согласен с выводами Конты, но земляне не раз переживали времена «сильных правителей». Ничем хорошим это не кончалось. Как ни странно, по эту сторону Рубежа жили почти такие же люди, а значит, их обществу тоже приходилось наступать на те же грабли. Возможно, не раз. – Например, у нас неплохо развивается наука, да и технологии не отстают, а государственная независимость не мешает людям с разных планет нормально общаться и торговать.

– Но ведь вы тоже воюете? Я сразу заметил, что ваша эскадра – боевое подразделение.

– Это так, но мы не ведем серьезных войн уже шестьдесят лет. И даже мелкие конфликты случаются у нас крайне редко.

– Но все же случаются?

Конта никак не желал отставить в сторону военную тематику. Сергей понимал, что это неспроста. У него промелькнула мысль, что успехи Тирании советник несколько преувеличил и чинидам отчаянно не хватает либо сил, либо средств для осуществления какого-то замысла. Какого? Князь вспомнил силовую крепость, рядом с которой были расстреляны пленные. Ежу

понятно, что никакого бунта на... Семри, кажется... не было. Скорее всего, это очередная планета-кандидат на вступление в состав Тирании. Конта упоминал Технократию... Не ее ли это владения на самом деле? Если так, то вполне понятно, почему этого советника так волнуют военные вопросы. Силовые крепости, если они построены со знанием дела, взять очень непросто.

Преображенский вспомнил кадры хроники Пятой мировой. На Колонии Лидия была создана целая система силовых укреплений, упрятанных в горные ущелья и пещеры. Армия Земной Федерации более двух месяцев держала осаду Лидии, но не добилась ровным счетом ничего. Никакие лучевые и традиционные бомбовые удары так и не смогли разрушить укрепления лидийцев. Закончилось все тем, что на цели зашли двадцать пять кораблей «Марк-3» и каждый выпустил по четыре ракеты с тяжелым термоядерным зарядом. Суммарная мощность бомбардировки составила не один миллион мегатонн, и на Лидии с тех пор установился полный мир и мертвая тишина... После этого акта вандализма Федерация рухнула, а термоядерное оружие спрятали в самые глубокие подвалы даже самые ярые сторонники «радикальной войны». Правда, никто не отказался от обычного ядерного вооружения. Реакции деления тяжелых ядер были ничуть не лучше реакций синтеза легких – разве что снизилась мощность взрывов, но уран и плутоний с тех пор стали такими же привычными боевыми веществами, как напалм или старый добрый порох. «Жахнуть», как выражался Горох, ядерной бомбой считалось вполне обычным тактическим приемом. Главное было не увлекаться особо мощными зарядами и не целиться в мирное население.

Сергею это было не по душе, но диктовать свои правила ведения войны солнечным князьям он не мог. Этого не мог делать даже Гордеев.

А здесь, на Семри, по силовым куполам били из лучевых пушек. Смех и грех. Энергия лучей просто рассеивалась в силовом поле, нагревая воздух снаружи от него на сотую долю градуса. Изнутри это вообще должно было выглядеть как солнечный зайчик на стене.

Преображенского вдруг осенило. А что, если у этих чинидов просто нет никакого другого оружия? Ведь рассказ Конты о неисчерпаемых запасах межзвездной энергии означал, что нехватки энергоносителей в этом мире никто не испытывал, а раз так...

– Меня очень заинтересовали ваши корабли. – Сергей коротко махнул в сторону космодрома. – Совершенные линии, сильное вооружение... И, наверное, мощные силовые агрегаты, ведь чтобы поднять такую махину с планеты, требуется развить огромное усилие, потратить уйму энергии?

– Да, у нас хорошие корабли. – Конта расплылся в довольной улыбке. – Им вряд ли по силам преодолеть путь в миллион световых лет, но они очень эффективны в бою. Их тяговые и поворотные двигатели действительно развивают хорошее усилие – больше ста тысяч тонн. Это обеспечивает им отличную маневренность.

– Но жрут, наверное, как бегемоты, – по-своему повторил Горох вопрос князя.

– О, это не проблема. – Конта, польщенный словами Сергея, почти расслабился. – Наши корабли оснащены автономными силовыми захватами. Они могут пополнять запасы энергии самостоятельно, не прибегая к услугам танкеров-заправщиков. Силовые захваты позволяют им улавливать любые концентрации межзвездной энергии. В крайнем случае они могут использовать особую тактику, когда звенья посменно выходят из боя и, заправившись у ближайшего энергооблака, возвращаются в строй.

– Кайф, – высказался Горох. – Лети куда хочешь, без рубля в кармане и голову не грей. Надо заправиться – раскрыл захват, закачал баки и дальше полетел... За все уплачено щедрой Вселенной...

– Разве в вашем мире энергию покупают? – удивился Конта.

– Разве у вас платят за воздух? – едва слышно передразнил его канонир.

– Наши корабли работают на ином топливе, – ответил Сергей.

– И орудия? – уточнил советник.

– И они, – нехотя согласился князь.

– Но я вижу, что внешние порты орудий почти такие же, как у нас...

– Да, часть из них лучевые.

– А часть...

– А часть другие, – басовито буркнул Горох.

– Простите нас, советник, но мы не имеем права раскрывать эти сведения, – мягко сказал Преображенский. – В нашем мире это называется военной тайной...

– Понимаю. – Конта кисло улыбнулся. – Убежден, когда мы узнаем друг друга получше, все эти условности останутся в прошлом. Не так ли?

– Очень на это надеюсь, – вежливо ответил князь.

– Черта лысого, – шепнул Горох.

И Сергей был с ним абсолютно согласен. Теперь ему все стало ясно. Ни о каком делении ядер здесь не слышали и краем уха. О синтезе – тем более. О том, какое стратегическое преимущество это давало землянам, можно было и не задумываться. Ядерная бомба против лазерного луча... Залповая артсистема против арбалета... Пушка против пращи... О чем говорить?!

– Советник...

Конта встал и почтительно поклонился. Сергей тоже поднялся с подушек и выпрямился, почти коснувшись головой свода шатра. Ощущение близкого потолка заставило его чуть пригнуться, и со стороны это могло показаться подобием поклона. Видимо, это обстоятельство сыграло положительную роль. Во всяком случае, появившийся на пороге шатра человек расплылся в улыбке и снисходительно кивнул в ответ.

– Стратег Ергелан. – Конта снова поклонился. – Правитель князь Преображенский, гость и друг Великой Тирании...

Все-таки советник говорил на чужом языке. Фамилию Сергея он переврал настолько безбжно, что Горох еле сдержался, чтобы не расхохотаться.

– Для меня большая честь познакомиться с вами, Правитель. – Ергелан коснулся рукой левого плеча.

Со слов Конты Сергей уже понял, что стратег довольно крупная фигура в Тирании и сам является Правителем, причем не одной, а пяти захваченных чинидами планет, но формально, пять у тебя планет или одна, все Правители считались людьми одного ранга. Следовательно, отвечать надо было примерно в том же духе.

– Счастлив выразить свое почтение великому стратегу и Правителю от имени всей Солнечной системы и Колоний, – завернул Преображенский.

Осведомленность и учтивость гостя окончательно расположила Ергелана, и он соизволил ответно поклониться – чуть-чуть. Когда обмен любезностями был окончен, новые знакомцы уселись на подушки и беседа продолжилась.

– Ваши корабли произвели на меня большое впечатление, – произвел «вбрасывание» Ергелан.

О чем говорить военным, пока не выпито столько, чтобы коснуться темы женщин и пьяных походов? О жеребцах и саблях.

– Мы как раз сравнивали технические характеристики наших кораблей. – Сергей лукаво покосился на Конту.

Советник понимал, что князь его обставил, и потому отвел взгляд.

– Я видел, как вы садились, – заметил стратег. – Вы шли без огня, но это не был свободный полет.

– Иначе мы просто упали бы. – Сергей улыбнулся. – Вблизи тел, обладающих достаточной массой, мы используем антигравитационную тягу.

– О-о, – уважительно протянул Ергелан. – А в пространстве? У ваших кораблей нет силовых захватов и энергоемкостей.

– Наши двигатели работают на топливе.

– На топливе? – Стратег пожевал губами, словно опасаясь сказать глупость. – На древесном угле?

– Нет. – Князь с трудом придал лицу серьезное выражение. – На особом твердом веществе.

– Твердом? Как камень? Нет? А-а, понимаю... На руде? Металле? – Ергелан задумался. – В мире Кумжи – далеко отсюда, почти на краю Галактики – очень мало энергии, и там изобрели двигатели, работающие на особой черной жидкости. Но металл не использовал пока никто. Однако я не понимаю, для чего придумывать такие сложности, если достаточно всего лишь выйти в космос и взять энергию?

– Там, где мы живем, энергии в космосе почти нет.

– Как вокруг Кумжи?

– Наверное, так.

– Очень интересно. И далеко лежит ваш мир?

– Очень далеко, стратег, гораздо дальше, чем вы можете представить.

– Миллионы светолет, – вставил Конта.

– Но вы такие же, как мы... – Ергелан обвел взглядом гостей. – Почти такие же... И мы понимаем друг друга. Как такое может быть, если ваш мир очень далеко?

Вопрос был на засыпку. Ответа на него Сергей не знал. Он мог предположить, что тут не обошлось без «бублика», соединившего миры не вчера, а еще во времена расселения человечества по космическим весям, но это была всего лишь голая версия. Не имеющая никаких подтверждений. Опровержений, впрочем, тоже. В пожаре Четвертой, а затем Пятой мировых войн сгорело много чего, могли сгореть и банки данных, где упоминался золотистый тор и видимый сквозь него чужой мир. Могли за пару столетий будущие чиниды освоить это пространство и приспособиться к его реалиям? Вполне. Правда, двести лет назад у землян были и атомные бомбы, и тротил, и тем более порох. Почему же их нет ни у диковатых чинидов, ни у продвинутых технократов, если они потомки землян?

Конечно, можно предположить, что все происходило в обратном порядке, но князь Преображенский получил хорошее образование и отлично знал историю. В ней было много загадочных цивилизаций и странных народов, но о Тирании Чин – ни намека. Впрочем, это ни о чем не говорило. Возможно, чиниды заселяли Землю слишком давно, чтобы оставить в истории отчетливый след. Возможно, без поддержки с родины им пришлось несладко до полной деградации. Ну, а позже они снова кое-чего добились – яркий пример «Огненный шторм» и сам Сергей, – хотя на это им потребовалась уйма времени. Эта версия имела меньше изъянов, но была так же недоказуема.

А еще обе версии не проясняли, почему земляне и чиниды понимают друг друга, говоря на разных языках. Влияние тора или этой облачной энергии? Слишком волшебным как-то, но иного объяснения Сергей пока не находил.

– Я не знаю ответа, стратег, – признался князь, – но уверен, что со временем мы его найдем.

– У нас будет много времени. – Ергелан улыбнулся. – Дружба наших государств надолго.

– Надеюсь, – Сергей кивнул.

Ергелан раскрыл рот, чтобы выдать очередную сладкую любезность, но его прервал возбужденный возглас:

– Великий стратег! – На пороге шатра замер скрючившийся в низжайшем поклоне воин.

Стратег побагровел и невольно коснулся кинжала на поясе. Преображенский его понимал. «Тут такие переговоры, а этот солдафон все портит. Если не стратегические сведения – хана солдатику...»

– Что? – недовольно бросил стратег.

– У дальнего брода сели еще девять кораблей... Больше этих... Орбитальную эскадру обошли и сели...

– Обошли?

– Да, обманули.

– Без боя?

– Там, – воин ткнул пальцем в потолок шатра, – не стреляли.

– Это тоже ваши корабли, Правитель? – Ергелан недоверчиво взглянул на Сергея.

– Они из моего мира, но принадлежат другому князю, – с досадой проронил Преображенский. – Черт их принес...

– Другой Правитель сильнее вас? – уточнил Конта.

– Нет... он... Великий Князь его не любит.

– Но у него большие корабли. – Советник, как и Ергелан, тоже подобрался и теперь смотрел на Сергея с подозрением. – Великий Князь не любит сильных воинов?

– Вот прилип, – процедил Горох, незаметно расстегивая кобуру, – как банный лист...

– Первый – эскадре, движки на старт... – шепнул в тоненький волосок микрофона связист. – Штурмовые орудия – товсь, десант – к бою.

– Великий Князь любит верных воинов, – парировал Сергей.

– Великий стратег, – снова позвал гонец.

– Ты еще здесь? – Ергелан недовольно скривился.

– Не всё, великий стратег! Корабли сожгли легион Асары... Всех до единого! Выстрелили в них серебряной стрелой и сожгли!

– Что?! – Стратег вскочил. – Целый легион?! Одним выстрелом?!

– Выстрел, а потом огонь! Много огня! Дерево выросло до облаков, из дыма и огня... и земля столбом встала... и гром... Страшный гром! А потом во все стороны огонь побежал. Все выжег на десять тысяч шагов! И солдат, и деревья, и машины, и реку высушил ненадолго... А в бригаде Урма все приборы отказали... И купол! Дальний купол технократов, который у брода, на десять секунд исчез! Только мы не успели его обстрелять. Далеко, и долго орудия было разворачивать.

– Лететь! – распорядился Ергелан. – Хочу сам все увидеть!

– Не спешите, стратег, – остановил его Сергей. – Сейчас там лучше не появляться.

– Почему?

– Вы можете погибнуть.

– Почему?

– Там горит все, – напомнил солдат.

– Дым меня не пугает. – Стратег усмехнулся. – На войне дым всегда.

– Оружие, которое применили большие корабли, заражает землю невидимой энергией на долгие годы. Эта энергия убивает все живое.

– Невидимая, но убивает? – Ергелан прищурился. – Почему я должен вам верить?

– Не должны, – согласился Преображенский. – Мое дело – по-дружески предупредить, но принимать решения, конечно, вам.

Видимо, ответ князя показался Ергелану убедительным. Чем больше Сергей общался с чинидами, тем больше убеждался, что ничто так не сбивает их с толку и не производит большего впечатления, чем элементарная честность. На фоне их наивной хитрости она выглядела чем-то вроде откровения и била не в бровь, а в глаз.

Стратег устало сел обратно на подушки и огорченно покачал головой.

– Легион Асары был лучшим. Зачем ваш другой Правитель стрелял в него серебряной стрелой?

– Скорее всего, легион сам начал перестрелку. – Выгораживать Бородача Сергею было противно, но ничего иного не оставалось. – Спросите у гонца.

– Силемания стреляла по кораблям?

– Да, великий стратег, – кивнул солдат. – Они сели прямо на фронтовом поле... Легион стрелял из пушек, но корабли не пострадали! У них толстая броня и силовые щиты.

– Вот видите. – Преображенский немного расслабился.

Как оказалось – зря.

– Вы должны прогнать другого Правителя! – заявил Ергелан, в упор глядя на Сергея. – Он не друг. У вас есть серебряная стрела?

– Я не применяю такое оружие, это слишком опасно, – возразил князь.

– Тогда дайте его нам, мы сами прогоним большие корабли. – Стратег чуть подался вперед и выжидательно замер.

– Держи карман шире, – прошипел Горох.

– Я не могу дать вам это оружие. – Преображенский нахмурился. – Не в моей власти.

– А кто может дать? Великий Князь? – оживился Конта. – Мы можем предложить взамен свое. Или рассказать, как летать без денег. Это выгодная сделка.

– В нашем мире нет свободной энергии, – возразил Сергей. – И я уверен, что Великий Князь не согласится на такой обмен.

– Вы его наследник?

– Нет.

– Тогда откуда вы это знаете?

– Наше оружие слишком опасно, чтобы продавать или передавать его кому бы то ни было.

– Даже друзьям?

– Даже друзьям.

– Но вы не Великий Князь и не наследник, как вы можете знать его ответ?

– Доконает этот советничек, – снова пришел тихий комментарий от канонира. – Пошлите их подальше, ваша светлость, да летим отсюда...

– Ваш другой Правитель нанес нам вред. – Конта укоризненно покачал головой. – Если Великий Князь обладает властью, он должен наказать другого Правителя и оплатить нам ущерб. Мы хотим оружие. Это наша цена.

Он бросил короткий взгляд на Ергелана. Стратег молчал и даже не шевелился, но было понятно, что он согласен с советником целиком и полностью.

– Что я могу вам ответить? – Сергей развел руками. – Я передам Великому Князю ваши пожелания, но, боюсь, ответ будет отрицательным.

– Вы не передадите наши пожелания, – сурово сказал Ергелан. – На орбите сейчас собрались все корабли сектора. Это двести крупных машин с хорошими пушками. А через полчаса к ним присоединятся корабли двух соседних секторов. Их станет восемь сотен. У вас хватит серебряных стрел на всех?

– Приплыли, – шепнул Горох.

– Я не хочу воевать с Великой Тиранией, – ответил князь. – Мы же друзья. Или уже нет?

– Друзья должны идти друг другу навстречу. – Стратег неожиданно улыбнулся. – И я пойду вам навстречу. Вы можете лететь в свой мир. Но с вами полетит наш посол. Он сам скажет Великому Князю, чего мы хотим за нанесенное другим Правителем оскорбление и ущерб.

– Хитер бобер, – снова шепнул канонир. – Посольство – классика разведки.

– Я согласен сопроводить вашего посла, стратег, – вынужден был ответить Преображенский. – Предлагаю отправиться немедленно.

– Но сначала вы прогоните большие корабли, – твердо заявил Ергелан. – А посол Конта тем временем соберет вещи...

– Они улетят следом за мной, – заверил Сергей. – Обещаю...

* * *

Когда эскадра подходила к Рубежу, в каюте посла Конты неожиданно отказал экран. Когда же связист, ворча себе под нос о каких-то сгоревших микросхемах и катодных лампах, экран починил, «Огненный шторм» был уже в гиперпространстве и картинка в мониторе мало чем отличалась от предыдущей. Разве что в верхнем правом углу пустого экрана высвечивались цифры корабельного времени.

Не много увидел посол и по выходе эскадры из портала «Ганимед-4». Только огромную планету и ее ближайший спутник. Спустя несколько секунд по бортовому телевидению начался показ познавательной программы «Мир дикой природы Земли».

Когда же Конта попытался пробраться в рубку под предлогом – выяснить, ушла ли с Семри эскадра больших кораблей, медноволосый зеленоглазый корректировщик огневых систем «Правитель» Горох объяснил послу, что все его опасения напрасны, что корабли ушли почти сразу за «Огненным штормом» и что многоуважаемый и высокочтимый посол может спокойно отдыхать еще целых три часа, вплоть до прибытия на Землю.

Конта не был уверен, что понял все выражения верно – язык землян был слишком богат образными оборотами, – но общий смысл речи «Правителя» Гороха показался ему примерно таким.

«Тиран будет доволен, – размышлял Конта, наблюдая, как в телевизоре совокупаются олени. – Таких богатых и сильных союзников у нас еще не было. Вот хотя бы взять простой факт: я лечу на корабле, где двое из трех членов экипажа – Правители. Если настолько богаты простые флотские офицеры, то какими несметными сокровищами владеет их Великий Князь?!»

ГЛАВА 4

Апрель 2323 г. Земля

– Князь Бородач выплатит Тирании Чин компенсацию в размере миллиона рублей, – пообещал Гордеев, холодно глядя на посла Конту. – В дополнение к этому он будет обложен специальным налогом, как злостный нарушитель Устава ОВК, а его ударные силы будут расформированы. Это все, что я могу вам обещать, посол.

– Тиран имеет много сокровищ, – предпринял Конта последнюю попытку убедить неговорчивого и сурового Великого Князя. – Он будет признателен вашей светлости за справедливое наказание нашего обидчика, но компенсация ему не нужна. Он будет рад, если мы заключим на эту сумму договор о военных поставках. Серебряные стрелы стоят больше миллиона... рублей?

– Стрелы я вам не дам, – отрезал Гордеев. – Это мое последнее слово, господин посол. Если хотите, мы снарядим караван с товарами, предметами роскоши... У вас водятся пушные звери? Мы можем отправить вам первоклассные меха. Или золото. У князя Бородача его как раз избыток...

Великий Князь с усмешкой взглянул на пунцового Бородача. Тот был одет в парадный мундир – единственный из присутствующих, – и ему было жутко неудобно. Во-первых, оттого, что воротник мундира давил, словно затянутая петля, а во-вторых, на фоне прочих князей и офицеров он выделялся как бельмо на глазу или как клоун в театральном партере. Гордеев хорошо изучил психологию князя и специально приказал ему явиться на посмешище окружающим в парадном мундире. В этом Бородач был уверен и просто бесился от стыда и бессилия... Он повел плечами, реагируя на струйку пота, ползущую между лопаток, и нервно вытер мокрые ладони о белоснежные брюки. На ткани тотчас прорисовались темные полосы. Это Бородача просто добило. Князь, нечистый на руку и в прямом, и в переносном смысле... Позор на всю столицу! И все из-за каких-то узкоглазых зарубежных уродов! Вернее, нет, не так... все из-за этого гада Преображенского! Провалился он вместе со своим исследовательским зудом пониже спины! Струйка пота протекла до поясницы и впиталась в ткань там, где мундир был перетянут ремнем...

– Что ерзаете, князь? – Гордеев усмехнулся. – Объясниться, случаем, не желаете?

Бородач обвел взглядом лица присутствующих. Преображенский сохранял нейтральное, прямо-таки каменное выражение лица и смотрел куда-то мимо трона. Министр науки и исследований Розенберг, министр торговли Лишенко, начальник СБ ОВК Барышев и трое генералов из Генштаба сдержанно ухмылялись, а Конта смотрел с почтением, но как-то искоса.

«Башку бы ему отвинтили, да и все дела! Он же как кот в мешке, прилетел – туда, не знаю куда...»

Бородач улетал из-за Рубежа последним и видел, что за землянами не проследил ни один корабль чинидов.

«Где они будут искать посла, если он случайно не вернется из своей ответственной командировки?..»

– А что тут объяснять, ваша светлость? – Бородач встал и поправил удушающий воротник. – Мы сели... Все честь по чести. Никого не трогали. А эти... местные жители вдруг огонь по нам открыли. Что мы должны были делать?

– А просто обратно улететь не пробовали? – съязвил Барышев.

– Так ведь... нет. – Князь смерил начальника охраны злым взглядом. – Под прицельным огнем взлетать не так-то просто.

– Под прицельным огнем чего? – уточнил службист.

– Чего, чего... лучевого оружия!

– Лучевого, – Барышев кивнул. – Высокой энергии?

– Я не замерял... Там были полевые орудия и стрелковые системы.

– Полевые и стрелковые. – Начальник СБ снова кивнул и перевел взгляд на генерала Шабалина – главкома Десантных сил. – У полевых пушек высокая энергия, Константин Петрович?

– Не вдаваясь в подробности – нет, – ответил генерал. – Для брони крейсера они не представляют ни малейшей опасности.

Комментарий он выдал, глядя на Бородачу с нескрываемой иронией.

– Так ведь у этих... – князь кивнул на посла, – другие пушки! Они, между прочим, вообще в другом пространстве проживают. Чужие они, хоть и выглядят как люди.

– Уважаемый посол Конта, – Барышев обернулся к чиниду, – для чего предназначены орудия на позициях погибшего легиона? То есть были предназначены.

– Это переносные орудия, – охотно ответил Конта. – У легиона Асары не было тяжелых пушек. Все осадные орудия находятся в бригаде Урма, ближе к куполу. А легион стоял на берегу реки, там возникла опасность прорыва мелких пехотных отрядов противника, но не больше. Против пехоты мы использовали только переносное вооружение.

– Вот так, ваша светлость. – Начальник СБ снова вернулся к Бородачу. – Грубо говоря, из «пулеметов» по вашим танкам стреляли, а не из пушек. Из «пулеметов» и «автоматов». А вы с перепугу им Хиросиму устроили.

– А мне не до сортировки было! – взвился европейский князь. – Полез в драку – получи! А то, что противник сильнее оказался, – твои проблемы. Я оборонялся. В следующий раз они думать будут, на кого хайло разевать!

– Ты выражения-то подбирай, чай, не в кабаке, – оборвал его Гордеев. – Виноват – имей мужество признаться! А не устраивай тут сцены с заломленными руками... Значит, так, господин посол и все остальные. Решение я принял и озвучил. Министр торговли предоставит нашему гостю подробный список товаров. Если ничто из списка посла Конту не устроит, составьте новый – сырья или ценностей... У вас золото в ходу?

– Тиран Чин не нуждается в золоте, у него в подчинении сто планет. Они полны любых металлов! – с нотками отчаяния произнес Конта. – Оружие, вот что интересует...

– С оружием вопрос закрыт. – Великий Князь рубанул воздух ладонью. – Только холодное в подарочном исполнении. Это как раз в компетенции господина Лишенко. Если вопросов больше нет, все свободны, кроме князей Преображенского и Бородачу. Господа генералы, совещание через час, не забывайте. Господа министры, позаботьтесь о том, чтобы послу Великой Тирании было предоставлено все необходимое, и подумайте о помещении для его посольства...

Последним из откланявшихся выходил Барышев. Великий Князь в этот момент встал с трона – якобы размяться – и придержал начальника СБ за плечо.

– Глаз с него не спускать!

– Разумеется!

– Разумеется... – Гордеев недовольно поморщился. – Ступай... словесник.

Он обернулся к стоящим посреди зала князьям и долго смотрел на них, словно решая, каким способом будет удобнее их казнить. Сергей чувствовал себя почти уверенно, но пауза его все равно тяготила. Бородачу по-прежнему кипел и в такие тонкости не вникал. Время для него остановилось еще в начале аудиенции.

– Ну и что мне с вами делать, князья? – Гордеев немного смягчил тон. – Один в чужие пространства без спросу лазает, другой ядерными боеголовками швыряется... Что делать, я вас спрашиваю! Может быть, на кол посадить? По обычаям предков.

– Устарел обычай, – огрызнулся Бородачу. – Теперь модно болты вставлять.

– Раскаленные, – парировал Гордеев. – Что вас понесло к этим чинидам? Каким ветром задуло?

– Мои люди нашли окно, вот я и решил посмотреть. – Преображенский развел руками. – Кто же знал, что так все обернется? Я Бородача с собой не звал.

– Это мне известно. – Великий Князь кивнул. – А без посла вернуться было никак?

– Никак, ваша светлость. – Сергей вздохнул. – После взрыва обложили нас. Только на таких условиях и выпустили.

– Выпустили и до дверей проводили?

– Не было никого, я последним шел, – встрял Бородач.

– Были. – Сергей покачал головой. – Они же не идиоты.

– Я же последним...

– Они не идиоты! – повысил голос Преображенский. – В отличие от тебя.

– Что?!

– Смирно! – прикрикнул Гордеев. – Преображенский, продолжай. Только по существу!

– До двадцати малых кораблей шли параллельным курсом под прикрытием энергооблаков до самого Рубежа. Но на нашу сторону перейти не рискнули. Хотя полностью в этом я не уверен. Если рассуждать логично, должны были перейти и проследить до самого пункта назначения.

– Вот, значит, почему этот Конта такой уверенный и спокойный? Не избежать, значит, нам дружбы с Тиранией?

– Значит, – согласился Сергей. – Виноват.

– Да нет, то, что мы их первыми нашли, а не наоборот, очень нам на руку. Видел, как он глазами сверкал? Стрелы серебряные ему подавай... Такому только дай стрелу, сам же ее в спину и получишь... Бородач! Ты хотя бы это понимаешь?

– Ну что вы совсем-то?! Понимаю, конечно.

– Конечно... – Гордеев погрозил ему кулаком. – Только попробуй ему бомбу продать! Лично башку оторву!

– Почему я должен ему бомбы продавать?! – возмутился князь. – За кого вы меня держите?!

– За того, кто ты есть, – жестко ответил Гордеев. – Свободны оба. Преображенский, зайди в штаб, оставь формулу расчетов перемещения этого «бублика». А тебе, Бородач, больше поблажек не будет! В следующий раз арестую и все имущество с молотка пущу.

– Я и так уже без штанов остался, – пожаловался Бородач. – Зачем вы целый миллион с меня содрали? Где я такие деньги возьму? Я же еще со штрафами не рассчитался. Мне что, флот теперь распродавать?

– В Солнечной хоть поспокойнее будет, без флота твоего. – Великий Князь указал на дверь. – Вас взашей вытолкать?!

Князя по-военному коротко поклонились и вышли. Сергей отметил про себя, что и в этот раз они вышли – Бородач слева, а он справа и снова на них смотрел не один десяток придворных. Обмен репликами выглядел бы сейчас как сцена из третьесортного фильма, но удержаться просто не было сил.

– Лучше бы ты эти деньги в карты спустил.

– Все равно я тебя достану. – Бородач наконец расстегнул воротник, но лицо его так и оставалось багровым. – За все получишь сполна!

– Совсем по миру пойдешь.

Сергей неторопливо спустился по лестнице и взглянул в зеркало, якобы поправить ремень. На самом деле он следил за реакцией Бородача. Тот стоял, сжимая и разжимая кулаки, словно собираясь броситься в атаку. Кто знает, чем бы закончилась его разминка, если б из

зала, где принимала Великая Княгиня, не появилась целая делегация знатных дам. Одна из них отделилась от подруг и подошла к Бородачу.

Сначала Преображенского это удивило – кому нужен этот скандалист? Но через секунду он понял. Это была Нина!

Собирался князь Сергей необычайно долго. Перед тем как вернуть оружие в ножны, он попросил дежурного офицера протереть кортик, затем поправлял мундир, прическу, надевал шлем... И все это время смотрел в зеркало, где отражалась Нина.

«Надо же такому случиться! Злейший враг и его сестра... Человек, которого хочется придушить, и человек, которого хочется носить на руках, – одной крови. Воистину Судьба – злодейка... Она смотрит на меня? Смотрит? Нет, показалось. Или все-таки... Смотрит! Черт! Что это я млею, как сопливый кадет? Ну, смотрит. Надо обернуться, сделать ручкой. Сударыня, приветствую... Да и все переживания. Нет, не получается. Вот ведь беда! Краснею... Ой, как нехорошо... Только не оглядываться. И так все пялятся».

Он все же оглянулся и встретился взглядом с Ниной. Она смотрела на него так, словно... Преображенский не верил своим глазам. Нина смотрела на него так, словно для нее сейчас не существовало никого и ничего. Ни брата, ни придворных, ни дворца... Только он, князь Сергей Преображенский. Только он. Сергей почувствовал, как исчезает пространство, замедляется время, а где-то в глубине сознания рождается самый настоящий огненный шторм. Вот он вырывается наружу, секундная вспышка, и снова мрак... Так не «замыкало» Сергея со времен пылкой юности. Или даже вообще никогда. Он с трудом отвел взгляд и нетвердым шагом, словно оглушенный, направился к выходу. Хорошо, что проскочившую между ним и Ниной искру не заметил Бородач. Иначе в холле сейчас было бы по колено крови.

Только усевшись в машину, Преображенский немного пришел в себя и вспомнил, что надо было зайти к генералам, передать расчетную формулу. Возвращаться хотелось и не хотелось. Снова увидеть Нину, не имея возможности к ней подойти, было выше его сил. И все-таки вернуться следовало.

«Послать Гороха? Дел-то на копейку – бумагу передать...»

Нет, этот вариант не годился. Канонира не пустили бы даже на порог спецкабинета для военных совещаний. Сергей вышел из машины и быстро пересек холл, стараясь не смотреть на верхнюю площадку лестницы. Этот фокус ему не удался, взгляд сам скользнул туда, где минуту назад стояли Бородач и его сестра, но теперь там было пусто.

«И слава богу...»

* * *

Министра Лишенко этот маленький посол, в его расшитом светящимися узорами балахоне и шляпе, похожей на шляпку поганки, просто смешил. Если Великая Тирания была действительно настолько велика, то она могла бы прислать на переговоры кого-нибудь и попреставительнее. Например, такого, как земной министр торговли. В Лишенко было полтора центнера живого веса, и вся его фигура дышала солидностью и настоящей купеческой деловитостью.

Помещение под посольство министр подобрал быстро. Он проводил Конту в старое здание своего министерства. Это древнее, украшенное колоннами и облезлой позолотой на стенах здание стояло в сотне метров от Кремля. В длинной обстоятельной речи Лишенко объяснил господину послу, что ни одно государство не удостаивалось такой чести – иметь посольство на площади перед самым дворцом верховного правителя, и Конта остался этим весьма доволен. А позолота и мозаика кое-где сохраненных дизайнерами древних окон и вовсе привели его в восторг. Как выяснилось, в Тирании существовало нечто вроде культа древних цивилизаций.

Чиниды никак не могли установить, какая же из них была изначальной, и свято берегли все, что имело возраст более двух-трех столетий.

– Эти картины напоминают мне росписи в храмах вормитов на Вурлахе, – тыча пальчиком в древние фрески, восторгался посол. – А здесь, над дверью, нарисован Хето, я узнаю его благостный лик! Это очень древний культ, его бережно хранят служители храмов на Пуритте. Как много общего у наших миров! И это при том, что нас разделяют миллионы световых лет!

– Да-да, я рад, что вам нравится. – Лишенко протянул руку к возвышению, на котором техники уже смонтировали общий терминал. – Отсюда вы сможете связываться с любым ведомством на любой планете ОВК. В торговых и дипломатических делах это огромное подспорье.

– О, благодарю вас, министр. – Конта расплылся в улыбке. – В первую очередь я хотел бы уладить все дела с вами, а затем немного посмотреть на вашу столицу.

– На нее стоит посмотреть. – Лишенко приосанился. – Великолепный город. Древний, с богатой культурой и традициями. И, конечно, очень гостеприимный... Что же касается наших дел, прошу к терминалу. Все списки будут выведены прямо на него.

– О, можно обойтись и без них. – Конта сделал вид, что все эти списки по сути простая формальность. – Великая Тирания Чин очень богатое государство, и все наши требования о возмещении ущерба... просто дело чести. Вы меня понимаете?

Министр кивнул. Ничего непонятного тут не было. Конта набивал себе цену и готовил почву, чтобы выторговать лакомый кусок. В торгашеских хитростях Лишенко разбирался досконально. Раз у посла не получилось добыть оружие напрямую, он будет искать другие подходы. Но от своего не отступится. «Сейчас начнет ходить по кругу, пока не нащупает лазейку. – Министр про себя усмехнулся. – Ох уж эти дипломаты...»

– Я понимаю, но слово Великого Князя для нас закон. – Лишенко провел пальцем по строчкам на экране. – Вот, пожалуйста, ювелирные изделия. Наши мастера очень искусны.

– О да, это интересно, но мне кажется, что следовало бы начать с более простых поставок. Например... например, партии машин и топлива к ним. В нашем мире все машины работают на чистой энергии, но ваши конструктивные решения весьма интересны, и мы могли бы использовать ваши машины в качестве образцов для усовершенствования своего технического парка.

«Много сказал, молодец, – подумал Лишенко, – завернул, так сказать, конфетку... Только кукиш тебе с маслом, дорогой прищелец».

– Машины? Нет ничего проще. Вас интересуют наземные экипажи, строительная техника, станки, роботы или летательные аппараты?

– Летательные, летательные, – Конта торопливо кивнул.

– Атмосферные или космические?

– Космические... и атмосферные.

– Извольте... Прекрасный образец достижений аэронавтики и космонавигации. Космолет «Витязь». Челночный режим полета, разбег и посадка с предельно малых полос, восемь тяговых двигателей «Локхид» и столько же малых поворотных – «Онега».

– Очень прекрасная машина! – Конта поцокал языком, закатил глаза и покачал головой, словно наслаждаясь неведомым ароматом. – А топливо?

– Классика. – Лишенко старался сохранять самое серьезное выражение лица. Он сразу раскусил хитрость посла, но просто поиздеваться над чужаком было мало. Его следовало надуть основательно. Так, чтобы он понял, что его обманули, только вернувшись в свою Тиранию. А еще, чтобы, поняв это, не смог бы напрямую обвинить землян в обмане. – Но рецептура и технология его изготовления должны остаться нашей тайной, поймите меня правильно, господин посол. Иначе не имеет смысла им торговать.

– Понимаю. – Посол сделал «круглые» глаза и перевоплотился в двуединое «понимание-сочувствие». – Поставки топлива для этих космолетов будут очень прибыльной статьей доходов вашего министерства.

Он похлопал Лишенко по плечу, вернее, по предплечью – выше ему пришлось бы тянуться, а это было уже несолидно.

– С вами очень легко и приятно работать, господин посол. – Министр слегка поклонился, и Конта разомлел. – Топливо мы отгрузим после отправки партии машин.

– Хорошо, – согласился посол. – Хотя... я уверен, что нашим специалистам захочется испытать машины сразу. Будет не очень удобно, если топливо придет позже. Давайте сделаем так: половину машин и половину топлива вы отправите первым рейсом, а остальное вторым.

– Как пожелаете. – Министр вежливо улыбнулся. – По рыночным ценам мы должны вам четыре «Витязя» и восемьсот сорок тысяч тонн топлива. По сорок четыре полных заправки для каждого.

– Прекрасно! – Конта потер руки. – А на чем они полетят? Или вы обеспечите их дополнительным топливом на полет своим ходом?

– Ну зачем же! Их доставит наш рудовоз «Булгаков».

– Рудовоз? – Конта едва не потерял сознание от счастья. Все складывалось донельзя удачно. Эти хитрые земляне на самом деле были не слишком умны. Они были уверены, что посол Великой Тирании – обычный дикий кочевник. Конта видел, какие ироничные взгляды бросали на него эти гиганты. Но рост и ум не всегда сопоставимы. Земляне думали, что посол не догадался, в чем их секрет, а он-то уже все давно понял, как ни увиливали они от ответов и ни пытались увести его наблюдения по ложному пути! Конта сопоставил некоторые факты и сделал правильные выводы. В своей правоте посол был убежден. Топливо! Та самая руда, точнее, металл, которым заправлялись корабли землян, и был оружием! Именно из него делались серебряные стрелы! Именно этот металл, это топливо взрывалось со страшной силой и несло невообразимые разрушения. Они думали, что Конта этого не поймет! Наивные, жалкие черви-переростки! Но посол их перехитрил... А иначе и не могло быть. Ведь он советник самого Тирана... И далеко не последний советник. Даже один из первых... Ну, почти один из почти первых... Но теперь-то он станет первым без оговорок!

– Конечно, рудовоз. Он наиболее приспособлен для таких рейсов. Оба «Витязя» как раз уместятся на его верхней палубе, а топливо загрузим в трюм.

– Да-да, конечно. – Конта потер руки. – Я очень рад, что мы так быстро пришли к пониманию.

– Мы же разумные люди. – Лишенко расплылся в улыбке. – Погрузка будет закончена к утру.

– Так быстро? – вновь приятно удивился Конта. – Погрузить столько руды... и машины... А кто проследит? Нам не надо там присутствовать?

– Все автоматизировано, – заверил министр. – И подача «руды», и монтаж крепежных конструкций... Роботы, что вы хотите!

– Ну, тогда... – Конта снова с воодушевлением потер руки.

– Тогда прошу оказать мне честь быть вашим гидом, господин посол. Начать, я думаю, стоит с обеда.

– Да, конечно, но для обеда я должен переодеться. – Конта важно провел рукой по животу. – Это одежда для работы.

– Безусловно! – Министр поклонился. – Буду ждать вас в зале для посольских приемов. Ваши вещи уже в покоях, это на втором этаже. Вот по этой лестнице...

* * *

В кремлевском ресторане было красиво и уютно. Играла тихая музыка, сновали безукоризненные официанты, мягкий свет над столиками настраивался по желанию каждого посетителя, а звуковые поглотители отделяли каждый столик от соседних неосязаемыми преградами.

Барьеры не препятствовали музыке и естественному звуковому фону, но смазывали речевые колебания настолько, что соседи слышали лишь невнятный гул. При этом общаться между столиками было все-таки можно, но для этого следовало обратиться непосредственно к интересующему субъекту, а не к соседу по столу.

Все эти технические хитрости произвели на Конту гораздо большее впечатление, чем изысканность блюд. Ел он осторожно, а пил и вовсе никак. В основном воду.

– За такими барьерами можно говорить о секретах? – Посол в который раз подавил желание протянуть руку, чтобы нащупать преграду.

– Можно, – подтвердил Лишенко. – Это последняя разработка. Против нее пока нет контрсредств.

– Последняя? Жалко.

– Последняя в смысле – новейшая. – Министр рассмеялся.

– А я пошутил. – Посол тоже улыбнулся. – А как поливают эти растения?

Он поднял взгляд к небольшому возвышению – оно было выполнено в виде живописной лужайки на каменном уступе. Там, среди кустов и невысоких деревьев, тоже стояли столики.

– Это голограммы, – пояснил Лишенко. – На самом деле ничего этого нет. Только столики и ковры. Остальное – объемные картины. Можно заказать имитацию полярных льдов или джунглей.

– А-а... – Конта разочарованно улыбнулся. – У вас так много стекла и камня и так мало растительности... На борту рейдера мне показывали фильм. Там Земля более... живая. Там было много зверей и лесов. Очень красивых лесов. Это был вымысел?

– Нет, на самом деле на Земле до сих пор много уголков, где природа сохранилась в первозданном виде. К сожалению, поблизости от столицы ничего такого нет.

– Но где-то есть? Это хорошо. У нас... – Он вдруг как-то подобрался и оборвал свою речь на полуслове.

Министр проследил за его взглядом и чертыхнулся. Один из столиков «на лужайке» занял Бородач с сестрой и каким-то вельможей. Князь Европы был пьян и раздражен. Сестра пыталась его успокоить, но удавалось ей это с трудом, а вельможа тут был явно не помощник. Скорее всего, он уже сто раз пожалел, что приударил за очаровательной княжной и не ретировался, когда она решила оберегать от неприятностей пьяного брата.

Ничего нового в этой композиции для Лишенко не было. Поведение придворных и приезжих дворян внутри кремлевских стен разительно отличалось от их поведения на публике. Зато ничем не отличалось от поведения самой публики, когда она варилась в котле сплетен и склок где-нибудь в «спальном» районе. И пьяные князья тоже мало чем отличались от пьяных, например, лейтенантов... Только первые устраивали дебоши в ресторанах Кремля, а последние – в офицерских клубах и кабаках. Но по сути все было то же самое... Вот, пожалуйста...

Бородач долго сидел, глядя в одну точку, а потом что-то сказал сестре. Нина не ответила, поскольку слушала какую-то занимательную историю из уст кавалера. Воспользовавшись безучастностью пьяного князя, вельможа пытался обаять его сестру, но ловеласа сгубила недостаточная бдительность. Бородач не простил спутникам такого невнимания к собственной светлости и разлучил их самым грубым образом. Нине он, конечно, ничего не сделал, зато пнул по стулу вельможи так, что тот свалился с «лужайки» вместе с мебелью.

Вызвать князя на дуэль придворный хлыщ не посмел. Краснея, бледнея и покрываясь пятнами, он расшаркался перед Ниной и очень быстро исчез. Это немного успокоило Бородача, и он снова устался в точку. Сестра что-то шептала ему на ухо и гладила по руке, но князь на ее увещания не реагировал. Накачался он изрядно.

– Князь по-прежнему расстроен? – Конта смотрел на Бородача даже с некоторым сочувствием. По мнению посла, этот Правитель был сильным воином. А глупые правила Великого Князя не давали ему проявить все свои способности в полной мере. Это было неправильно. В

Тирании таких офицеров обязательно использовали по прямому назначению – в самых горячих точках. У того же Ергелана каждый второй темник был почти безумным, а тысячники и сотники – без «почти». Они были готовы воевать круглые сутки, нашелся бы враг.

– С его финансовыми трудностями это неудивительно, – заметил Лищенко.

Взгляд Бородача сдвинулся с мертвой точки и поплыл по залу. На секунду он задержался на пышущей здоровьем дородной графине Капустиной. В компании известного музыканта Негина она сидела за столиком справа от посла и министра. Оценив грандиозные формы графини, Бородач буркнул что-то непристойное, и его взгляд поплыл дальше. Наткнувшись на Лищенко, он прояснился, а когда в поле зрения Бородача попал Конта, взгляд князя стал ясным как стекло. Правда, и таким же малоподвижным. Бородач привстал и, наклонившись вперед, проревел:

– А-а, и ты здесь?!

Этот возглас прошел сквозь все звуковые преграды, как нож сквозь масло. Посол вежливо улыбнулся и встревоженно взглянул на министра. Тот пока сохранял полное спокойствие.

– Приятного аппетита, – пожелал Лищенко высоким особам.

– Не пучит от нашей жратвы, а, посол?! – не обращая внимания на министра, спросил Бородач. Едва не опрокинув столик, он встал и на нетвердых ногах спустился с возвышения.

– Вася! – попыталась остановить его княжна.

– Мне очень понравилась земная кухня, – пролепетал Конта. От вида надвигающейся груды мускулов внутри у посла разлился неприятный холодок. Конта представил себе, что будет, если князь поступит с ним так же, как с тем вельможей. От такого пинка можно запросто лишиться здоровья. И тут уж не поможет никакой дипломатический иммунитет.

– Понравилось? – Бородач подошел к столику и заглянул в тарелку посла. – Что тут? Семга? Как ты можешь жрать эту гадость? Ты знаешь, что это такое? Это гигантский навозный червяк!

– Ну что вы такое говорите, ваша светлость? – укоризненно произнес Лищенко. – Стыдно...

– Что?! Ты меня стыдить вздумал?! Ты, вообще, кто тут такой?! А ну встать!

– Вася, успокойся! – Княжна Нина схватила брата за рукав.

– Отстань. – Бородач высвободил руку. – Ты что, не слышал меня, министр?! Встать, я сказал!

– Ваша светлость, прошу вас, ведите себя достойно. – Лищенко медленно встал и бросил салфетку на столик.

– Достойно?! – Бородач оперся о стол кулаками. – Значит, я веду себя недостойно? Ты утверждаешь, что я веду себя не как князь? Как быдло? Да? Ты назвал меня быдлом? Так, жирная свинья? Отвечай! Так?

– Выбирайте выражения! – не выдержал Лищенко. – Никем я вас не называл! Просто попросил вас хотя бы в присутствии гостя...

– Вася, идем домой, – взмолилась Нина. – Идем, ты там отдохнешь... поспишь.

– А я не хочу спать! – Бородач придвинул себе стул и уселся за столик. – Садись рядом! И ты, министр, садись! Будем гостя развлекать. Он же должен узнать, чем живут его новые друзья! Так, Контакт?

– Конта, – поспешно исправил Лищенко.

– А один хрен, он не слова понимает, а сразу смысл. Да, Кондом?

– Сразу смысл, – судорожно кивнул посол. – Но свое имя я понимаю прямо. Хотя, если вам трудно его выговорить, я вас не виню.

– Нет, почему трудно? – Бородач ухмыльнулся. – Кондак. Так правильно? Или нет... Колпак... Опять не то? Вот ведь незадача!

– Ваша светлость... – Лишенко запнулся и перевел взгляд на Нину. – Ваша светлость, я буду вынужден пригласить старшего офицера Службы Охраны! Оскорбления дипломатических представителей...

– Не надо, – неожиданно сказал Конта. – Трудности с произношением не могут считаться оскорбительными. Насколько я понимаю, князь находится под воздействием дурманящих веществ? Это его полностью оправдывает.

– Дурманящих? – Бородач сдержанно икнул. – Это не дурманящие, а опьяняющие вещества, Контра. Водка... У вас в Тирании водку пьют? Нет? А-а, откуда у вас водка?!

Он махнул рукой и отыскал взглядом официанта.

– Человек! По стопочке всем! За дружбу между Галактиками!

– Вася, нам пора домой, – в который раз попыталась урезонить его Нина.

– Я в норме, сестренка. – Бородач похлопал ее по руке. – Сейчас еще по одной, и пойдем. За такой тост не выпить – грех.

– Ваша светлость, наш уважаемый гость не пьет, – осторожно заметил министр.

– А что делает? Курит? – Бородач рассмеялся. – Лишенко, непьющих не бывает! Ты ему просто не предлагал! Не пойму, чем ты его развлекал все это время без водки? Поделись тайной. Это же просто невыполнимая задача!

– Мы говорили о природе, – сказал Конта.

– О приро-оде? – Князь соорудил многозначительную физиономию. – Достойная тема... Восемь часов биологии. Не в каждой школе такой курс прочтут. Ай да Лишенко! Министр на все руки!

– Сначала мы занимались делами, – понимая, что князь иронизирует, добавил Конта.

– Дела-ами? – Бородач горько усмехнулся. – Денежки мои делили на кучки? Да? Ну и как? Что купил? Стекланные бусы и зеркальца?

– Бусы? – Конта озадачился. – Нет, зачем нам бусы? Мы получили машины и топливо.

Лишенко понял, что надвигаются большие неприятности. Бородач был непредсказуем даже в трезвом виде, а уж в пьяном мог вытворить все, что угодно. И если Конта не прекратит рассуждать на тему компенсации, вечер может закончиться совсем не так очаровательно, как начался...

– Предмет сделки не имеет особого значения, – вмешался министр. – Здесь важна политическая составляющая. Открытие нового торгового пути, а значит – установление дружеских отношений...

– Торгового пути? – Бородач опять икнул и перевел взгляд на посла. – Так тебе этот боров машины продал?

– Летящие, – уточнил Конта.

– Вместе с топливом?

– Да, конечно. Ведь в нашем мире его нет. Мы используем межзвездную энергию...

– А на черта вам тогда наши космолеты? – удивился князь. – У их движков КПД в половину меньше вашего, и топливо придется закупать у нас. Ты, посол, не подумав, товар хапнул... Или ты хитришь мало-мало? А, чингисхан карликовый? Хитришь?

– Ваша светлость! – уже совсем прошипел министр. – Еще слово, и я...

– И ты получишь в пузо кортик! – рявкнул Бородач. – Хочешь вызвать охрану? Зови! Только не мешай. Я тут с послом, может, мировую дружбу укрепляю.

Лишенко покосился в сторону официанта, но дать ему указание насчет охраны так и не посмел. А «мировая дружба» между тем уже балансировала на краю пропасти.

– Конструктивные достоинства ваших космолетов очевидны, – заюлил Конта. – Восемь тяговых двигателей и восемь поворотных – это... мы так не делали... нам будет интересно.

– Восемь чего? – Бородач уставился на посла с недоумением. – Ты про что говоришь, Кочан? Про танкер, что ли? На фига обычному кораблю восемь движков?

– Я говорю про космолет «Витязь», – пояснил Конта.

Лищенко издал едва слышный стон, а Бородач зашелся в хохоте. Смеялся он от души и долго.

– Денежки мои... не даром... потрачены, – сквозь смех выдавил он. – Ты, Лищенко, талант... Ничего не скажешь... Только хрен тебе, министр! Не получится ничего!

Он утер слезинку и, недобро улыбаясь, взглянул на Конту.

– Надули тебя, посол. «Витязь» – это музейная редкость, которая летает на обычном ракетном топливе.

– Да-да, на топливе, – согласился Конта. – Руда...

– Жидкий водород и кислород, – качая головой, пояснил Бородач. – Улавливаешь смысл?

– Жидкий?! – ужаснулся посол. – А как же топливо? Металл... Ведь ваши корабли используют металл?

– Дейтерий с тритием для термоядерных движков наши корабли используют, да уран с плутонием в реакторах-конвертерах, – заявил Бородач. – Только тебе эти слова все равно ни о чем не скажут. Так что бери свои «Витязи» и отваливай в Тиранию, Коттон! Земляне твоей дипломатии не по зубам. Тут волки кругом, а ты крыса. Вас много, вы зубастые, а все одно – грызуны. А мы хищники, понял?

– Ваша светлость!

У столика встали четверо офицеров Великокняжеской Службы Охраны.

– А, прилетели, «беркуты». – Бородач ухмыльнулся. – Ладно, ухожу...

– Мы вас проводим, – заявил начальник патруля.

– Да ладно, полковник, я дорогу знаю! Вот и сестренка проводит... Где сестренка? Нина!

– Княжна Нина ждет вас в экипаже, ваша светлость. Извольте следовать за нами.

– Пока, Колба! Тирану своему передай от меня персональный привет. – Бородач, шатаясь, встал и едва не растянулся прямо у столика в полный рост. Благо его успели подхватить офицеры. – А ты, Лищенко, талант!

Он расхохотался, и отголоски его смеха еще долго метались под сводами ресторанный зала...

Ужин закончился довольно быстро. В полном молчании министр торговли проводил посла до его апартаментов и, так же молча откланявшись, побрел на доклад к Гордееву. Первые двадцать шагов он шел медленно, напряженно размышляя, как бы подать всю эту историю Великому Князю, чтобы не навлечь на себя гнева больше, чем заслужил, но потом взбодрился и ускорил шаг. Задумано все было верно. Если бы не Бородач...

...– Вот скотина этот Бородач! – Гордеев сердился и едва сдерживал смех одновременно. – Ох, не к добру мы веселимся, Лищенко. Вот окрысится на нас вся их Великая Тирания, будет нам веселье! Так, значит, «Витязей» ему подсунул? Из запасников Музея авиации и космонавтики? Хе-хе...

– По-моему, он убежден, что, если из урана наштамповать болванок, они будут взрываться, как настоящие ядерные боеголовки.

– Ну да, «серебряные стрелы», хе-хе...

– Поэтому, когда я сказал, что мы погрузим корабли и топливо на рудовоз, у него от счастья чуть не выпали глаза.

– Рудовоз? Ты сам придумал или вычитал такое название где-то?

– Мудрено ли?

– Да, ха-ха, Конта, страдалец... Обидели мы его, ничего не скажешь. Теперь придется у Рубежа заградительный полк держать. Не ровен час, полезут чиниды правды искать.

– А мне кажется, ничего не случится. Этот Конта, если бы на самом деле был уполномочен Тираном, прилетел бы сюда не на «Шторме», а на собственном корабле, да еще с эскортом.

Чтобы произвести впечатление и продемонстрировать могущество своей Тирании. А он как шпион какой-то: шмыг туда, шмыг сюда...

– Так ведь он шпион и есть, – согласился Гордеев. – Потому и один, потому и без официального прикрытия. Тут он все верно рассчитал. Дурачком прикинулся, разведать и домой, выводы делать. Не так-то прост этот посол... прятный... как кажется. Мы еще хлебнем с ним...

– Он сегодня улетает.

– Вот именно – сегодня. А завтра вернется, сто пудов даю. Теперь от этих братьев по разуму никакой палкой не отмашешься. Будут лезть по одному и пачками.

– Так торговлю надо налаживать!

– Налаживай, – согласился Великий Князь. – Пока воевать не начали. Там ведь поздно будет...

* * *

Конта метался по своим покоям, как загнанный зверь. Таких оплеух он не получал ни разу за всю карьеру. Даже будучи мелким писцом при штабе внутренней разведки Тирании, даже когда пошел на повышение и решал сложнейшие политические проблемы в системе десяти планет Провала. Никогда его не обманывали так нагло, так беспардонно и никогда над ним не издевались настолько открыто и откровенно. Эти заносчивые земляне поплатятся за свою гордыню! И не машинами или ураном, а кровью! Большой кровью! Но это позже. Сейчас еще не время. Вернувшись с такими ничтожными результатами в Тиранию, Конта был бы обречен навсегда остаться в третьих советниках второго эшелона. А с таким званием особенных успехов в жизни не добиться. Ему требовался безоговорочный, яркий, убедительный результат! Он и так серьезно рисковал, отправившись в чужое пространство без одобрения Тирана, всего лишь с благословения стратега. Формально приказа Ергелана было достаточно, однако мир Земли был особым, далеким миром. Миром за Рубежом. То есть местом, где еще вчера не было ничего, кроме пустоты, а сегодня вдруг вспыхнули мириады звезд и появились развитые цивилизации. Узнай Чин об этом, он наверняка предпочел бы отправить сюда опытных и титулованных дипломатов. Но пока о том, что Рубеж стал проницаемым, знали только Ергелан и Конта. Знали уже сутки био времени, но не доложили ни во дворец, ни в Совет. Вместо этого они на свой страх и риск предприняли попытку разведать, что же за люди живут по ту сторону Рубежа, и за эту самостоятельность им предстояло ответить. Не имея на руках серьезных результатов разведки, ответить было нечего. Личные впечатления о людях и столице, примерное описание их кораблей и оружия, уран... Справочник выдал несколько значений этого слова. Древнее божество, планета, химический элемент... Советник попытался вникнуть в подробное описание последнего, но так ничего и не понял. Актиноиды, радиоактивность, серебристо-белый металл, атомная масса 238... Все изложено доступно, но проку от этого мало. Не имея образца металла, нельзя было и понять, что это на самом деле. Атомная масса выручить не могла. Ученым Тирании было известно более двух сотен химических элементов, но как высоколобые их классифицировали, Конта представлял себе смутно. Да и если бы представлял, у землян действовали свои шкалы и единицы измерения. В любом случае выходило, что нужен образец. А еще наверняка особые инструкции по изготовлению самих серебряных стрел. Ведь они взрывались, только ударив по врагу. А как их уберегали от детонации до этого момента?

Вопросов было много, ответов – ни одного. Возвращаться домой с таким багажом равнялось самоубийству. Следовало что-то делать. Что? Конта нервно потербил кисть на витом поясе. Поступить следовало как-то нетривиально. Как-то так, чтобы все получилось хотя бы от неожиданности или с перепугу. Например... пойти сейчас к Бородачу и предложить ему... Да, предложить ему... Что? Решение всех его финансовых проблем? Пошлет подальше, это

без сомнений. Финансы в этом мире считались необходимой, но какой-то немного неприличной составляющей культуры. А что тогда могло заинтересовать этого взбалмошного князя настолько, чтобы он пошел на сделку с Тиранией?

Трон Тирана? Конта усмехнулся. Любой военачальник его мира заявил бы именно так. Взять того же Ергелана... Трон! Ведь этот Правитель князь Бородач недаром вызвал у Конты отчетливые ассоциации с Ергеланом и его полубезумными темниками! Именно трон! Резной, из красного дерева, с высокой спинкой, электронными амортизаторами, широким сиденьем и обивкой из мягкой кожи.

Именно на таком троне восседал Великий Князь Гордеев...

...Князю Бородачу было не до светских бесед и уж тем более не до серьезных переговоров. После вчерашнего вечера страшно болела голова, а в желудке и ниже шла война. Не помогли ни ароматная ванна, ни шипучие таблетки, ни выпитая через силу рюмка «опохмелятора». Самочувствие оставляло желать лучшего и ни в какую не хотело выправляться.

Князь провел ладонью по щетине и уставился невидящим взглядом на Конту.

– За извинениями пришел? Так я не помню ничего, Конта.

– О, сегодня ваше произношение не страдает! – Посол улыбнулся.

– Зато я сам страдаю, – буркнул князь. – Ты болел когда-нибудь с похмелья? Ах да, ты же не пьешь.

– Значит, кое-что вы помните?

– Все равно не дождешься извинений. Правильно я тебя вчера обложил. Дурак ты, посол. Наивный кочевник, и только.

– Возможно. – Конта усмехнулся. – Но моя наивность происходит от неосведомленности. Ваш мир для меня сплошная загадка. Однако, по большому счету, он не настолько уж отличен от моего. У нас тоже достаточно несправедливости.

– Да? – Бородач кисло улыбнулся. – Мягко стелешь, Конта. Говори прямо – чего ты мнешься! – за чем пришел? Все еще бомбу хочешь выпросить?

– Бомбу? А-а, серебряную стрелу... Нет. Раз Великий Князь сказал, что нельзя, значит, нельзя. Это я понимаю. Ваш Правитель Гордеев очень строг.

– Куда уж строже. – Бородач скрипнул зубами и добавил что-то крайне невнятное.

– Ну что поделать? Трон Великого Князя – это великая власть, но и огромная ответственность. – Конта притворно вздохнул. – Власть казнить и миловать, раздавать награды и назначать штрафы, переустраивать жизнь по собственным представлениям о справедливости, диктовать свои условия более слабым Правителям мелких княжеств... Это богатство и уважение. Огромное уважение... Да, я вас понимаю и никаких стрел просить не стану.

– Уважение... – Бородач, казалось, улавливал из речи посла лишь отдельные слова.

– Уважение всех, от мала до велика, от друзей до врагов. Статус! Такой статус, что не приснится и в самых приятных снах.

– Да, только во сне. – Бородач покосился на стоящего в дверях кабинета официанта. – Еще сто грамм, и свободен!

Слуга исполнил распоряжение и растворился. Бородач немного поколебался и, сам не зная почему, нажал кнопку аудиозавесы и постановки радиопомех. Теперь кабинет нельзя было прослушать ни снаружи, ни изнутри – если кто-то догадался подбросить Бородачу «жучков».

– А еще богатство.

– Ты уже говорил. – Выпив, князь взбодрился. – К чему клонишь, пришелец?

– К тому, что Правитель Гордеев уже немолод... Но, как я понял, у него нет наследника, только дочери. И это значит, что его место займет кто-то из благородных князей. Это будет, конечно же, самый достойный из воинов.

– Это будет не самый достойный из воинов, а самый ловкий из жополизов! – прорычал Бородач.

– Как это несправедливо и недальновидно! Сильным государством должен управлять настоящий воин. Сильный воин. Например, такой, как вы, князь.

– Ах вот ты о чем?! – Бородач рассмеялся. – Почву готовишь на будущее? Так ведь нет у меня шансов, Конта. Ни единого. Зря ты тут распинаешься. Не быть мне Великим Князем, даже если небо на землю рухнет.

– Кто может знать намерения Великого Сунджи? Но мне известно, что он справедлив и мудр.

– Ну, надеяться ты можешь на кого угодно: на Сунджу своего, на авось, на мудрость Вселенной, только против объективных факторов это все пустой звук.

– А если случится беда? Если вашему государству придется защищаться? Кто станет дороже Правителю Гордееву – вельможи или воины?

– Ты войну собрался затеять? – Бородач нахмурился.

– Нет, но в моем мире есть более агрессивные государства. Например, Технократия. Как только в ней станет известно о том, что Рубеж открылся, она наверняка пожелает расширить свои владения.

– Технократия? Это которую вы под купола загнали? – Князь усмехнулся. – Грозный враг, нечего сказать! Кому ты тут мозги пудришь, Конта? Если кто и полезет через Рубеж, так это твои тираны.

– Вы напрасно недооцениваете Технократию. – Посол покачал головой и грустно улыбнулся. – Она очень сильна. И в борьбе с ней придется тяжело даже вам, со всеми вашими серебряными стрелами.

– А-а, дошло. – Бородач похлопал себя по лбу. – Ты хочешь их спровоцировать? Чтобы Великий Князь с Технократией, значит, схлестнулись, а твои чиниды под шумок свои дела обставили?

– В военное время все неустойчиво и текуче, как ртуть. Несколько блестящих побед, и вы уже рядом с Правителем Гордеевым, еще усилие – и Великий Князь подпишет ваши права на наследование трона...

– Усилие? Какое такое усилие?

– Пожилым людям трудно выдерживать долгие нагрузки... А война с Технократией, смею заверить, вялой не будет. Их технологии очень совершенны. Воюют они динамично и напряженно.

– Да уж, под куполами они дрыхнут, наверное, очень напряженно. Динамика – не бей лежачего.

– Они расчетливы. Против войска стратега Ергелана у гарнизона Семри нет достаточных сил, а потому они ушли в глухую защиту. Но стоит им прийти к выводу, что контратака имеет шансы на успех, тут же развернется такая стремительная война, что многие солдаты даже не поймут, когда их успели убить.

– Забавно... – Бородач призадумался. – Только Гордеев крепкий старик. Нервотрепкой его не доконать.

– Великий Князь умрет, когда я пожелаю, – наклонясь к самому уху Бородача, шепнул Конта. – Стоит мне нажать кнопку, и он начнет тяжело болеть, а затем отойдет в царство Великого Сунджи, но никто и не подумает, что так было предопределено не судьбой, а мной и вами.

– Что?! Ты?! Как?!

– Пусть это останется моей военной тайной.

– А ты не боишься, что я сейчас сдам тебя Барышеву или придушу собственными руками?!

– Нет, – Конта снова улыбнулся. – Великий трон и уничтожение вашего заклятого врага – моя гарантия.

– Врага? Преображенского?

– Да, его.

– Постой, а взамен-то что? Что ты с меня потребуешь за все эти услуги? Душу?

– Я не Сунджа, мне нужны не души, а их дела.

– И что я должен сделать?

– Помочь мне завладеть эскадрой «Огненный шторм».

– Ага. Понятно. Только...

– Даже если у нас ничего не получится, к вам не потянется ни одной нити, великий князь.

Бородач откинулся на спинку кресла и прикрыл дрожащие веки. Замысел был слишком серьезным. Замысел... нет, это называлось иначе. Это был заговор, а не замысел. Государственная измена. Хотя, если рассуждать дальше – измена государству, которого не станет, едва Великий Князь Бородач взойдет на престол, это уже и не измена. Государственный переворот – так еще можно назвать, но «измена» – нет. К тому же Конта рано или поздно нажмет свою злодейскую «кнопку», так почему бы не воспользоваться моментом? Этот посол думает, что очень хитер и коварен, но не учитывает того, что и земляне не лыком шиты. Он желает получить «Огненный шторм»? Завладеть его вооружением? Ради бога! Даже если у чинидов появится ядерное оружие, это ничего не изменит. Ведь у землян в рукаве есть более мощный козырь. Оружие термоядерное! Как называли их сами создатели – водородные бомбы. А это уже не «серебряные стрелы». Лидии хватило сотни, чтобы стать безжизненным обугленным мирком навсегда, а в арсеналах Земли и Марса ждут своего часа десятки тысяч таких ракет...

– Мне надо подумать, посол.

– Конечно, князь, думайте. Времени на размышления у вас будет немного, но достаточно. Я свяжусь с вами в нужный момент...

* * *

Нина рассеянно смотрела на витрину, никак не решаясь войти. Здесь, на старейшей торговой улице столицы, располагались самые престижные, известные всей Галактике салоны. Княжна перевела взгляд с роскошного бриллиантового колье на страшно дорогое бальное платье. Раньше Нина никогда не задумывалась над такими банальными вопросами, как цена тех или иных вещей. Теперь все изменилось. Братец окончательно разорил светлую княжескую фамилию. Признаться в этом даже самой себе было трудно. Еще вчера казалось, что положение в обществе и богатство – это нечто незыблемое, а сегодня княжна стеснялась войти в салон, поскольку даже на ее личном счете остались какие-то копейки. Она вспомнила, как сочувственно улыбались подруги и ехидно посмеивались придворные дамы. Мыслимое ли дело – княжна Нина явилась на прием в том же платье, что было на ней во время торжеств по случаю Дня Объединения! Какой пассаж... бедняжка Нина... князь Василий окончательно промотал наследство и довел своих родных до нищеты! Несчастные детки Нина и Кирилл! Девушке, при всей ее красоте, теперь никогда не видать удачного замужества, а юный княжич вряд ли сможет получить достойное дворянина образование! Ах, ах...

Нина закусила губу и едва удержалась от слез. Она была настолько расстроена, что даже не заметила, как рядом упала чья-то тень.

– Мне очень жаль, – произнес мужчина за ее спиной.

– Что? – Нина смахнула слезинки и обернулась. – Вы?!

Князь Преображенский поклонился и повторил:

– Мне очень жаль, что так получилось, княжна, но я был вынужден защищать своих подданных, свою планету.

Нина почувствовала, как сладко замирает сердце.

– Я ни в чем вас не виню, – пролепетала она. – Мой брат... он сам во всем виноват.

– Но в результате пострадала вся ваша семья. – Сергей опустил взгляд. – Поэтому я прошу прощения у вас, а не у Василия.

– Я думаю, это временные трудности. – Нина попыталась улыбнуться. – Европа живет, работает... Казна не будет пустовать вечно.

– Очень на это надеюсь. – Сергей улыбнулся в ответ. – А еще надеюсь, что у князя хватит благоразумия не затевать новых авантюр.

Нина согласно кивнула, но в ее взгляде появилось беспокойство. Последнюю фразу Преображенский произнес так, словно собрался откланяться. Девушка неожиданно для себя попыталась найти уважительную причину, чтобы его задержать. Она понимала, что это будет не по правилам, но ничего не могла с собой поделать. Ей отчаянно хотелось, чтобы Сергей остался рядом, хотя бы еще на несколько минут.

– Я хотела обновить гардероб... но... некому будет оценить и посоветовать, вот и брожу...

Получилось как-то бессмысленно, однако Преображенскому, похоже, смысл фразы был и не важен. Ему просто требовался знак, что Нина не против его общества, несмотря ни на какие политические разногласия между Европой и Каллисто.

– Вот это платье будет вам очень к лицу, – он указал на платье в витрине. – Но без примерки трудно сказать с полной уверенностью.

– Мне кажется, оно будет великовато, да и напоминает... – Нина замялась. – У меня уже было что-то похожее.

Она взглянула на Сергея чуть устало, словно ее действительно не так уж интересовал выставленный в витрине шедевр «высокой моды». Преображенский сильно сомневался, что у юной княжны много подобных платьев, особенно если учесть, что всеми деньгами распорядился князь Василий, а он предпочитал покупать оружие и снаряжение для своей армии. Ни сестру, ни младшего брата он подарками не баловал.

– Я не видел вашего предыдущего наряда. – Сергей осторожно, но крепко взял Нину за руку. – Доставьте мне удовольствие, княжна, примерьте это платье.

– Оно слишком дорогое, – краснея, призналась Нина.

– Тем более его стоит примерить. – Преображенский улыбнулся. Но не снисходительно или иронично, а как-то по-доброму, как старый и верный друг. Нина вдруг почувствовала себя легко и непринужденно.

– Хорошо, – кивнула она. – Хотя это будет похоже на самоистязание. Мерить, зная, что мне этого никогда не купить... Если я начну плакать горькими слезами, пеняйте на себя. А если оно будет мне по размеру, я начну плакать обязательно!

– Согласен. – Сергей указал на дверь, и она тотчас раскрылась. – Ведь это салон, а значит, платья здесь шьют точно по фигуре...

...Спустя два часа они сидели в уютном ресторанчике чуть дальше по той же улице, и глаза Нины просто светились от счастья. Преображенскому пришлось приложить немало усилий, но в конце концов девушка сдалась – он купил ей заветное платье. Без каких бы то ни было намеков или обязательств. Как бы в долг. И теперь она была счастлива. Сергей смотрел на нее и тоже улыбался. На княжну было не только приятно смотреть, но с ней было интересно поговорить. Сочетание редкое, особенно в случае молоденькой девушки. Преображенский не питал на этот счет особых иллюзий. В свои тридцать пять он повидал немало девиц, получивших хорошее образование, но так и оставшихся придворными пустышками. Нина была другой. Их разделяло семнадцать лет, но Сергей не чувствовал разочарования. С ней не было скучно, и это удивляло его вдвойне. Да что там удивляло! Он почти потерял голову, хотя и старался этого не показывать...

А после они долго бродили по тихим улочкам старого города, набережной, парку, сидели в открытых кафе и все это время говорили. Обо всем. И не могли наговориться...

А когда на востоке заалело, Сергей с сожалением проводил Нину до ворот европейского посольства.

– Завтра вечером я иду в Большой, – сообщила на прощание она. – А после...

– После будет прием у Вяземского, – закончил Сергей. – Я тоже приглашен.

– А послезавтра раут в посольстве Колонии Терция. – Нина вздохнула.

– А вот с него можно будет сбежать, – чуть наклонясь к ее уху, заговорщицки шепнул князь. – Легче легкого.

– Легче легкого, – тихо повторила Нина.

Их лица были так близко, что она чувствовала его тепло и волнующий запах его одеколона...

– До завтра, – шепнул Сергей, чуть коснувшись губами ее виска.

– До завтра. – Нина потянулась к нему, но тут же спохватилась и отпрянула. Овладевшее ею чувство было настолько сильным и необычным, что княжна немного испугалась. Она горела с головы до пят, сердце выскакивало из груди, уши словно заложило ватой, а по животу и ниже разливалось сладостное томление. Такие ощущения были для нее в новинку, а еще из-за их явно эротического подтекста Нине стало немного стыдно. Она снова покраснела и, смущенно улыбнувшись, торопливо скрылась за воротами посольства.

Преображенский еще долго стоял, будто пришипленный к пяточку перед воротами. Избыток эмоций не давал сдвинуться с места. Сергей словно забыл, как совершаются простейшие движения.

– Ваша светлость, садитесь, пожалуйста, а то посольская охрана разволнуется, – вывел его из ступора недовольный голос Гороха.

Преображенский обернулся и обнаружил, что у тротуара стоит его «Викинг».

– Следил, что ли? – усаживаясь в машину, спросил он офицера.

– Охранял, – буркнул тот. – Вы ж не турист заштатный, а целый князь. Да и спутница ваша – не простая горожанка.

– Не одобряешь? – Сергей усмехнулся.

– Лично к княжне претензий у меня нет. – Горохов осуждающе качнул головой. – Но ведь фамилия-то у нее не «Иванова» или там «Бурундук-Птичкина».

– Это да. – Преображенский погрузился.

– И вообще, я бы еще разобрался, чего это она вдруг на вас так неровно задышала.

– Это что еще за намеки?!

– Это так, мысли вслух, – дал задний ход Горох. – Только, доложу вам, и за Ниной следили. Причем не обычные агенты, а какие-то подозрительные типы.

– Ну, это ты загнул. – Сергей поморщился. – Естественно, княжну тоже охраняют. Но не «типы», а сотрудники европейской СБ.

– Вот и я говорю – подозрительные типы эти сотрудники. – Упрямства Гороху было не занимать.

– Закрыли тему, – приказал князь. – И больше не следи за мной!

– А больше и не потребуется. – Горох саркастически скривился и взглянул в зеркало. – Вы что же, думаете, топтуны не донесут Бородачу, с кем проводит время его сестрица? Ей теперь грозит домашний арест – как минимум, а может, даже отправка на родину... А вам, если продолжите ухаживать, грозит дуэль. Это тоже – как минимум.

– Накаркаешь. – Преображенский нахмурился. Канонир был прав на все сто, и это Сергея очень и очень расстраивало. Круг вот-вот готов был замкнуться, и выхода из ситуации князь пока не видел. До мира между Европой и Каллисто далеко, а значит, так же далеко и до Нины.

И это было невыносимо...

ГЛАВА 5

Апрель 2323 г. Рубеж – ОВК

Форпост Рубежа пока не обзавелся собственным названием. Он даже не был окончательно сформирован. Четыре космические платформы, подтянутые тросами к сверкающему «бублику», только начали обрастать орудийными башнями и пусковыми установками, а вспомогательные модули были заполнены провиантом, техническим хламом и боеприпасами лишь на треть. Караваны тыловой службы шли непрерывным потоком, но осуществление замысла – построить вокруг Рубежа качественную блокирующую систему – все еще оставалось далекой перспективой.

Крейсер «Старинов» числился лидером разведывательной группы флота «беркутов» и обычно выполнял иные задачи, но сейчас было не до формальностей. Вся разведка ОВК трудилась на одном мизерном участке пространства – вокруг Рубежа. Капитан крейсера контр-адмирал Попов, наверное, самый пожилой и уважаемый в бригаде «Беркут» старший офицер, лично наблюдал за проводкой к окну в чужое пространство корабля Академии наук «Алферов». Вообще-то гражданские космолеты полагалось именовать судами, но «Алферов» практически ничем не отличался от боевого фрегата. Разве что, кроме портов лучевых орудий и башен пусковых установок, его корпус украшали еще и сотни всевозможных наружных датчиков, антенн и сенсоров. Командовал фрегатом тоже не гражданский шкипер, а марсианский командор Трентон. Попов знал Майкла Трентона по кампании тридцатилетней давности, когда флоты ОВК и еще не вступившего в Объединение Марсианского Триумvirата ходили в совместный рейд на Эйзен – укрепленное поселение последних приверженцев Земной Федерации. Последнее прибежище федералов просуществовало после Пятой мировой, с момента развала Федерации, целых тридцать лет и могло бы спокойно жить дальше, если бы к власти там не пришла партия неофашистов. Едва они встали у руля, как политический корабль Эйзена дал серьезный крен, и к внутренним планетам Солнечной устремились диверсионные группы. Великому Князю – уже тогда это был Гордеев – пришлось срочно договариваться с принцами Марса о военном союзе и походе в ледяной пояс. Битва при Хароне впоследствии вошла во все учебники истории как ключевой момент в окончательном объединении человеческих миров.

И вот старые боевые товарищи встретились вновь. Трентону предстояло совершить достаточно сложный и опасный маневр. Он должен был прыгнуть внутрь тора так, чтобы оказаться точно над серединой его округлого тела. Ученые предполагали, что таким образом можно будет зафиксировать момент межпространственного перехода.

Проходить сквозь кольцо было опасно в принципе. Этого не могли не понимать даже такие сорвиголовы, как Преображенский и Бородач, но по молодости многое им было прощительно. Ветераны же осознавали опасность в полной мере, и действовать им следовало наверняка. С их-то опытом... Но, с другой стороны, отказываться от рискованных операций было не в их правилах.

– Магнитозахват активирован, – доложил инженер «Старинова».
– Держу тебя, Майки, – сообщил Попов. – Можешь прыгать. Удачи.
– Сразу отходи, Володя, – попросил командор. – Дьявол понимает, как отреагирует эта баранка.

- До сих пор никак не реагировала.
- До сих пор внутри нее никто не тормозил, – заметил Трентон. – Поехал!
- Щит! – приказал Попов своему канониру.

Перед тупым носом крейсера раскрылся силовой щит – простая предосторожность, – а фрегат тем временем «сорвался с привязи» и прыгнул к цели прямо из состояния полного

дрейфа. Прием был исключительно эффективным. И доступным лишь нескольким асам во всем великокняжеском флоте.

Цифры на счетчике дальномера тоже прыгнули из четырехзначных в семизначные, и фрегат снова материализовался уже в центре внутреннего пространства тора. Магнитозахват держал – это означало, что магнитное поле крейсера могло в любой момент придать фрегату обратное ускорение, даже если у него откажут двигатели, но пока все шло по плану, и вмешательства «Старинова» не требовалось. Научный корабль снова лег в дрейф, правда, теперь неполный. Его немного несло вперед, но так и было рассчитано.

– До геометрической точки перехода одна минута, – сообщил связист «Алферова».

– Держим вас, – откликнулся оператор крейсера.

Заявленная минута тянулась, как жвачка. Стрелка на устаревшего вида аналоговых часах прыгала от деления к делению медленно, словно нехотя. Тридцать секунд до геометрической плоскости Рубежа... Попов заставил себя отвести взгляд. Это был чертовски опасный гипноз. Ожидание, глядя на часы. Дверь в настоящий транс. А контр-адмиралу сейчас требовалось ясное восприятие и хорошая реакция. Десять секунд... Попов посмотрел на экран. Отличный маневр. Пять секунд... Взгляд в обзорный иллюминатор. На мостике он непозволительно огромный. Кажется, что пространство обволакивает тебя своей удушающей, холодной пустотой и тянет, тянет наружу... Что это за мигрирующие звезды?

– Отставить! – рявкнул Попов одновременно с мелодичным сигналом таймера. – Боевая тревога! Магнитозахваты – полный назад!

Рефлексы опытного космического волка сработали быстрее, чем сознание сумело охарактеризовать опасность и присвоить ей определенную степень. Прямо по курсу были помехи, и это противоречило предварительным условиям проведения операции. Вот все, чем руководствовались рефлексы. Что за помехи, откуда и есть ли хоть какая-то вероятность столкновения с ними – было делом вторичным. Делом для разума.

– Оператор, штаб блокпоста! – присмотревшись к приближающимся звездам повнимательнее, приказал Попов. – Инженер, что с магнитозахватами? Почему не вытягиваете фрегат?! Оператор, связь по второй линии с «Алферовым»!

– Связи «два» нет!

– Магнитозахват пуст!

– Штаб слушает...

– Черт! – Контр-адмирал переварил всю одновременно полученную информацию и вынес вердикт: – Дежурный, блокпост «Рубеж» атакован! Фиксирую приближение эскадры противника. Потери – фрегат «Алферов».

– Принято, «Старинов», объявляю тревогу. Код номер три.

Дежурный офицер держался молодцом. Спокойно и без суеты. Чувствовалась школа «Беркута». Теперь, согласно инструкции по применению кода номер три, крейсеру следовало отойти немного назад и в сторону, чтобы оказаться во фланге атакующей эскадры врага и не попасть под кинжальный огонь с заградительных платформ.

Попов взглянул туда, где минуту назад дрейфовал научный корабль. Все это выглядело довольно странно, однако «Алферова» не было видно ни там, ни дальше, по другую сторону Рубежа. Он словно бы растворился. И это при том, что корабли противника прошли сквозь Рубеж абсолютно без проблем.

Проблемы у них начались уже на стороне землян. Сначала Попов решил, что его возглас об атаке чужими земными кораблями был преждевременным, но спустя пару минут все его сомнения развеялись и чувство вины за необоснованную и, возможно, губительную поспешность (почти панику! Ветеран называется!) исчезло. Корабли противника открыли беглый огонь.

«Старинов» отходил все дальше, хотя был готов броситься в бой в любое мгновение. Его сдерживал только код номер три. По схеме этого боевого сценария фланги могли вступить в

сражение только по приказу флагмана. А на блокпосту это был крейсер «Суворов». Он маневрировал под прикрытием одной из платформ. Это пока тоже укладывалось в схему, но Попова беспокоил вражеский натиск. Противник шел плотным строем, с развернутыми щитами и непрерывно поливал из довольно мощных пушек позиции землян. Количество чужих кораблей перевалило на третью сотню, но их поток все не кончался. А огонь усиливался. Очень скоро одна из платформ загорелась и очень сдержанно – как и положено тяжелой бронированной машине – рванула. Спустя пару минут отказали силовые щиты на второй, как раз той, за которой прятался «Суворов».

– Контр-адмирал Попов, – наконец вышел на связь флагман.

– Я готов! – отозвался командир «Старинова».

– Отставить, – спокойно и чуть устало произнес командир блокпоста. – Ваше участие в сражении ничего не изменит. Отходите...

– Я могу вас прикрыть!

– Это мы вас прикроем. Отходите, контр-адмирал! Приказываю вам отправить сообщение в штаб «Беркута» и идти на предельной скорости к порталу «Ганимед-4». Точка прорыва будет там, я уверен. Здесь вы уже ничем не поможете... Видите, какая орда? Блокпостом тут не обойдешься. Следует занимать эшелонированную оборону. Обязательно передайте дубль-доклад в Генштаб.

– Передам, – угрюмо пообещал Попов.

Бросать товарищей он не хотел, но, кроме эмоций, в ситуации заключался еще один важный нюанс. Из нее вытекало серьезное продолжение. Погибнуть прямо сейчас, героически встретив первый вражеский натиск, было неразумно. Судя по началу, у крейсера «Старинов» впереди намечалась тысяча подобных возможностей.

– Отходим к порталу! – приказал Попов. – Самый полный!

– Мы их бросим? – тихо охнул совсем молодой лейтенант-навигатор.

– Мы отойдем на новые позиции, – так же негромко ответил ему более опытный оператор связи, – а они наш отход прикроют... Или ты торопишься умереть?

– Если потребуются, я не побоюсь умереть!

– А как раз этого от тебя никогда не потребуются. Наша задача побеждать, а не умирать. Мы солдаты, а не самоубийцы.

– Оператор, сообщение в штаб бригады. Копию в Генштаб, – прервал их беседу Попов. – Шапка с пометкой «Атака!!!», наши позывные и время... Сообщаю, что блокпост у Рубежа атакован вражеской эскадрой численностью свыше трехсот кораблей. Потери составили все корабли и боевые станции, исключая крейсер «Старинов». Предположительное направление движения противника: от временного портала «Рубеж» к порталу «Ганимед-4». Прошу принять меры по организации в точке выхода глубоко эшелонированной обороны. Мощность вооружения кораблей противника предположительно уровня линкора. Устойчивость силовых полей на уровне щитов ударного крейсера. Маневренность – сравнительный уровень малого рейдера. Видеоатериал прилагается...

* * *

– Ах ты, беда! – Горох вырулил на дорожку к башенным воротам и притормозил у поста кремлевской охраны. – Даже на неделю нельзя этих чужаков без присмотра оставить. Сколько этот Конта отсутствовал? Шесть дней, а смотри-ка, уже ударный флот сварганил!

– Почему ты решил, что это он? – Сергей кивнул на приветствие охранника.

– А кто же еще? – удивился канонир. – Мы же бомбы ему не дали, нагрубили, Бородач чуть в интерфейс ему не залез. Вот и обиделся мальчик с пальчик.

– Это пока не факт. Говорят, Рубеж перешли другие корабли. Не чинидов.

– Кто говорит? Кто их корабли, кроме нас, видел?

– Ладно, зачем гадать? Сейчас все узнаем. – Сергей вышел из машины и почти бегом поднялся по лестнице.

У дверей в тронный зал он едва не столкнулся с Бородачом. Вопреки ожиданиям окружающих, князья лишь молча кивнули друг другу. Никакой пикировки не последовало.

В тронном зале было необычайно людно. Сергей окинул взглядом присутствующих и решил, что здесь собрались почти все князья и равные им по статусу правители как ближних, так и дальних миров. Не хватало разве что Сая, Председателя Совета Колонии Деа, и Чуднова, Президента Колонии Даная. Эти миры находились слишком далеко, и лидеры могли просто пока не долететь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.